

Contents

Добрый человек из Гонулулу(история спасения петроградских детей американским красным крестом)	
Olga Molkina	71
Ф. Харпер—свидетель Русской революции 1917 г.	
Olga Porshneva	94
The ‘Armed Thaw’: Cultural War under Peaceful Coexistence A Comparative Study between the 1950s and Today	
Raphaelle Auclert	114
Book Reviews	135
Field Notes	145

Добрый человек из Гонолулу(история спасения петроградских детей американским красным крестом)

Olga Molkina

Имя Райли Аллен ничего не скажет большинству жителей Петербурга. Однако есть немало семей, в которых память о человеке, его носившем, хранят уже многие годы. Ведь если бы не он, то, кто знает, существовали бы эти семьи вообще?

Человек по имени Райли Аллен¹ жил и работал на далеких Гавайях, связь с которыми северной столицы просматривается весьма смутно.

Райли Аллен родился еще в позапрошлом веке. В 1918-ом, когда началась эта удивительная история, он был совсем молодым человеком, однако, уже занимал пост главного редактора самой известной в Гонолулу газеты «Honolulu Star Bulletin».

Райли Аллен в форме сотрудника Американского Красного Креста (АКК)
Фото любезно предоставлено АКК (Вашингтон)

Блестящая карьера, хорошее положение и безбедная жизнь на цветущих островах бывшего Гавайского королевства, а теперь республики Гавайи, территория которой принадлежала США,— вот от чего неожиданно решил отказаться Аллен.

Что же заставило молодого человека принять такое странное решение?

Весна 1918 года не слишком улучшила настроение жителей Петрограда. Прошедшая зима унесла жизни и подорвала здоровье огромного числа горожан. Голод, холод, разруха и совершенно неопределенная политическая ситуация— следствия войны, буржуазной революции и государственного переворота², совершенного большевиками— превратили некогда блестящую столицу огромной империи в

¹ Райли Харрис Аллен (Railey Harris Allen) (1884–1966)— журналист, редактор, главный редактор газеты «Honolulu Star Bulletin» (1912–1960) с перерывом для участия в работе Миссии Американского Красного Креста в России (1918–1921).

² Историки продолжают спорить о том, как называть события октября 1917 года в России: переворот или революция. Автору всегда был ближе термин «переворот»,

Зима 1918 г. в Петрограде. Рисунок художника Ивана Владимирова «В последний путь»

умирающий город, жизнь в котором становилась все более невыносимой. Особенно страдали дети и подростки, которые не могли нормально расти и формироваться без элементарных продуктов питания. Надо было что-то предпринимать для их спасения.

Еще в начале Первой мировой войны партия кадетов вместе с либеральными помещиками и буржуазией организовала так называемый Всероссийский Союз Городов, который занимался в основном гуманитарной помощью больным и раненым солдатам и беженцам с оккупированных территорий, устройством и оборудованием госпиталей и санитарных поездов, закупкой медикаментов и другими насущными проблемами военного времени. Союз существовал за счет частного капитала и пожертвований граждан.

Союз Городов, поддержавший Февральскую революцию, не приветствовал события Октября 1917 года. Новая власть вскоре ответила ему полной взаимностью, и Декретом от 9 января 1918 года комитеты Союза Городов, а также Красного Креста были упразднены, а их имущество и финансы национализированы³.

Однако столь мощные и за годы войны разросшиеся организации не могли в один день прекратить свое существование. Деятельность на местах продолжалась еще некоторое время. С 1920 года Союз Городов осуществлял свою деятельность в эмиграции, где занимался помощью детям беженцев и организацией в сфере образования.

правомерность которого отстаивает в частности Ричард Пайпс в своей книге «Русская революция. (The Russian Revolution by Richard Pipes).

³ Декрет от 9 января 1918 года

О передаче имущества и капиталов учреждений Красного Креста и Всероссийского Союза Городов в государственную собственность. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. www/libussr.ru.

Зима 1918 г. в Петрограде. Рисунок художника Ивана Владимировича «Голод»

Поэтому именно Союз Городов выступил с инициативой, которую вынужден был поддержать Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос), вновь созданный взамен предшествовавшего ведомства - Министерства народного просвещения. Было принято решение эвакуировать как можно больше петроградских детей в так называемые питающие губернии, где за летние месяцы ребята могли бы подкормиться и окрепнуть. Родители детей и подростков с радостью восприняли сообщение о наборе детей в так называемые Детские летние питательные колонии и внесли посильную плату за три летних месяца пребывания в них.

Немало детей было отправлено в разные районы России и Украины в составе таких колоний, и впоследствии большинство из них благополучно вернулись в Петроград к новому учебному году.

Но двум группам юных петроградцев общим числом почти 1000 человек суждены были удивительные приключения.

Представители Союза Городов уже ранней весной сумели договориться о предоставлении помещений для детей из Петрограда на Урале и в Сибири.

Плакат Всероссийского Союза Городов

Финляндский вокзал в Петрограде. Фотография начала XX века

Первая группа в количестве 475 ребят разного возраста выехала с Финляндского вокзала (важное обстоятельство для этой истории) на санитарном поезде в город Миасс 18 мая. Вторая группа неделей позже выехала в город Петропавловск (сейчас Казахстан). В ней было еще 420 детей.

Вот что написано в отчете петроградской областной организации Союза Городов в разделе, посвященном продовольственной помощи.

«Несмотря на многие препятствия, как в центре, так и на местах, несколько <...> колоний приготовлены и первый санитарный поезд с 475 детьми отбыл из Петрограда 5/18 мая в Миасс, Оренбургской губ. Вторым санитарный поезд с 420 детьми отбыл из Петрограда 12/25 мая в Петропавловск, где организована своя многолюдная колония... За этими поездами последует значительное количество поездов, вероятно, до 15-ти. Проезд в оба конца, содержание, педагогический надзор, медицинская помощь каждого ребенка обходятся в 75 р. Более состоятельные родители вносят высшую сумму, чем предоставляют возможность Областному Комитету эвакуировать детей нищих родителей. Со своей стороны Областной Комитет широко организует в районах сбор—особый фонд спасения детей, благодаря которому, можно надеяться, будет возможность эвакуировать значительное количество детей нищих родителей... Для того, чтобы убедиться, насколько это дело не только отвечает насущной потребности Петроградского населения, но является действительно спасительным средством для детей, надо было присутствовать при отправке поезда – видеть радостно возбужденные лица детей, размещенных со всеми удобствами в санитарном поезде, и слушать их восторженные и удивленные возгласы за ужином: «Каша!...С маслом!...» При прощании с родителями из 475 ребят заплакала только одна девочка».⁴

⁴ Издание Петроградской Областной Организации Всероссийского Союза Городов № 6-7 за апрель-июнь 1918 г. С.9.

Проводив сыновей и дочерей на каникулы, родители, отчаявшиеся уже накормить и спасти их в Петрограде, вздохнули с облегчением и стали ждать писем от своих чад.

Однако радость их была преждевременной.

Не успел санитарный поезд № 101 после недели в пути приблизиться к Челябинску, как его пассажиры неожиданно почувствовали резкий толчок, и поезд остановился буквально в чистом поле. Захлопали двери вагонов, раздались незнакомые голоса, и в поезд вошли солдаты в форме и с оружием нерусского образца. Говорили они на странном языке, некоторые слова которого были похожи на русские, но все равно ничего понять испуганные ребята и их воспитатели не могли.

А случилось вот что.

Знаменитый Чехословацкий легион, который состоял из чехов, словаков, венгров и австрийцев, перешедших на сторону России, и который успешно воевал вместе с русской армией против Германии, неожиданно устроил мятеж и захватил ряд городов и станций на Транссибирской магистрали. Что заставило командование Легиона пойти на такой шаг в конце войны, когда большинство из них уже только и думали о возвращении домой, во вновь образованную Чехословакию и в другие районы бывшей Австро-Венгерской империи? Долгие годы подробности тех событий были мало изучены. Сегодня мы знаем, что направлявшиеся к Тихому океану эшелоны с чехами были разоружены большевиками по приказу Л.Троцкого. Стерпеть такую обиду чехи не смогли. Вспыхнули мятежи, спровоцированные разными незначительными поводами, но фактически обусловленные невозможностью смириться с приказом, затрагивавшим права и гордость людей, которые честно отдавали свои силы, свой труд, а многие и жизнь, помогая своим славянским братьям бороться с ненавистным врагом – Германией.

На волне мятежа, Белая армия также собралась с силами и установила свою власть во многих городах Сибири и Урала.

Так началась гражданская война.

И так начались каникулы для почти тысячи человек детей и взрослых, попавших в эту круговерть политических и военных событий из далекого голодного Петрограда.

Воспитателям удалось уладить вопрос о продвижении поездов с детьми к местам назначения. Правда, первоначальный маршрут второго состава с петроградскими детьми, прибывшего на Урал неделей позднее, пришлось изменить, так как путь до Петропавловска был небезопасен. Однако удалось договориться с местными властями о предоставлении детям помещений в бывшем санатории Курьи, расположенном в живописном месте в Екатеринбургской губернии. Колонисты из первого состава, того самого поезда №101, разместились, как и планировалось в городе Миасс под Челябинском.

Лето на Урале обычно бывает теплое, сухое. Так было и в этот раз. И петроградские ребята, которые уже привыкли называть себя «колонистами» (а как еще назовешь членов детской летней питательной колонии?), прекрасно проводили каникулы, наслаждаясь свободой, теплом, относительной сыто-

Группа колонистов среднего возраста на экскурсии в предгорьях Урала.

стью и интереснейшими экскурсиями и походами в горы и к великолепным озерам, которых немало в этих местах.

Но время шло. Приближался сентябрь, а вместе с ним и первые проблемы. Деньги на пропитание и содержание колонистов стремительно обесценивались, и вскоре это стало очень заметно по все более скудному меню. И это бы еще ничего – к полуголодной жизни привыкли за последнюю зиму в Петрограде. Но не следует забывать о том, что кругом, а часто и в непосредственной близости шла страшная братоубийственная война. И все чаще ребята становились свидетелями ужасных событий – перестрелок, гибели от пуль, жестоких казней через расстрел и повешение. Причем и белые, и красные, и другие неведомые силы, временами появлявшиеся перед окнами помещения, где жили колонисты, вели себя одинаково безжалостно по отношению к тем, кого на разных основаниях определили своими врагами.

«Однажды летним солнечным вечером мимо нашей казармы, находившейся на самой окраине города, у леса, проходила группа изможденных полураздетых людей, окруженных со всех сторон вооруженной охраной. То были «красные», попавшие в руки «белых».

Один из них, совсем молодой парень, едва плелся позади всех. И вот солдат-охранник с силой ударил его прикладом винтовки в спину. От этого неожиданного толчка все тело его изогнулось волной, и он, с трудом удерживаясь на ногах, с ужасом смотрел на своих мучителей...

Всю эту группу подвели к опушке леса и, окружив кольцом охраны, накинута петли на шеи и тут же повесили на сучьях деревьев на виду у всех...

И несколько дней из своих окон мы видели качающиеся на ветру почерневшие трупы...

И несколько дней там толпились местные бородатые крестьяне. Они тихо переговаривались между собой и что-то обдумывали...

И долго еще были слышны там вопли и причитания несчастных жен и матерей...»⁵

Не слишком церемонились воюющие стороны и с детьми. Время от времени то одни, то другие заходили в помещения, где жили ребята, протыкали штыками матрасы, набитые соломой, что-то искали, заглядывая под койки и пугая младших колонистов своим грозным видом.

Воспитатели и учителя были в отчаянии. Опасность становилась все более очевидной. К тому же деньги и продовольствие заканчивались, теплой одежды не было, а возвращение назад через линию фронта казалось все менее реальной задачей.

Благодаря поддержке местных представительств Союза Городов и Красного Креста, а также помощи богатых благотворителей, имена которых, к сожалению, не сохранились в памяти колонистов, удалось продержаться до глубокой осени, хотя тяжелое положение с продуктами и жильем, заставило воспитателей рассредоточить колонистов, отправить их малыми группами в весьма отдаленные друг от друга города, поселки и казацкие станицы. Миасс, Тургояк, Троицк, станица Уйская, Ирбит, Тобольск, Томск, Тюмень, Петропавловск – вот далеко не полный список мест, где удалось разместить несколько сотен колонистов, которые уже привыкли к мысли о том, что дома они окажутся не скоро. Связь с родителями в далеком Петрограде тоже прервалась. Впереди была неизвестность.

Несмотря на все героические старания воспитателей, многие из которых остались верными своему долгу и разделили с детьми все трудности, положение в некоторых группах было катастрофическим. Ребята постарше ходили на заработки к местным жителям, делали посильную, а иногда и непосильную работу в местных крестьянских хозяйствах, чтобы заработать пропитание для себя и для самых маленьких колонистов, младшему из которых – ребенку одного из воспитателей – не было и трех лет. Те, кто не находили себе применение, повадились попрошайничать, а то и воровать еду на базаре, к ужасу старавшихся сохранить достоинство педагогов. Управлять подростками, особенно мальчиками, в такой ситуации становилось все сложнее.

Помощь и спасение совершенно неожиданно пришли зимой 1918-19 гг., а чудом явившиеся спасители плохо говорили по-русски.

Но вернемся немного назад. На рассвете 30 ноября 1918 года американский гражданин Райли Аллен стоял на палубе японского судна «Шиньё Мару», которое приближалось к городу Владивостоку. Вот она – далекая и непонятная Россия, где ему предстояло работать в качестве волонтера Американского Красного Креста (АКК), деятельность которого на территории России была поистине грандиозна. «18 госпиталей на 6 596 коек были в распоряжении этой международной организации. В этих госпиталях работали

---

⁵ Воспоминания бывшего колониста Ю.Н.Заводчикова. Рукопись. Семейный архив автора.

56 американских врачей и 34 врача других национальностей, 182 американских сестры милосердия, 350 русских сестер и санитарок, 15 японских и 13 китайских сестер милосердия.

Из Владивостока было отправлено 33 поезда по 23 вагона в каждом. Они везли 8 тысяч тонн грузов, прибывших на 30 кораблях из Америки и на 92 - из других стран-союзниц. Еда, одежда, медикаменты были распределены среди 587 000 мужчин, 387 000 женщин и 775 000 детей».⁶

«Общие расходы [Сибирской Миссии Американского Красного Креста] в Сибири, включая стоимость пожертвованных расходных материалов и оборудования, составила сумму более 23 миллионов долларов.»⁷

Когда Аллен в далеком Гонолулу принимал решение бросить все и отправиться в Россию, он не мог знать этих впечатляющих цифр. Но журналистское чутье подсказывало ему, что в огромной неведомой стране России его ждут великие дела.

Волонтеры-гавайцы. 1918 г. Первый справа Райли Аллен. Фото любезно предоставлено АКК (Вашингтон)

Начав с должности пресс-секретаря, добросовестный и трудолюбивый Аллен вскоре стал помощником главы всей Сибирской миссии Американского Красного Креста доктора Рудольфа Тойслера⁸.

⁶ The Wild Children of the Urals. By Floyd Miller. New York, 1965. p.30. Перевод автора.

⁷ The American Red Cross. A History by Foster Rhea Dulles. Harper & Brothers publishers, New York, 1950 p. 210. Перевод автора.

⁸ Рудольф Тойслер (Rudolf Bolling Teusler) (1876–1934)—американский врач, миссионер, основатель Госпиталя Святого Луки в Токио. Руководитель Миссии Американского Красного Креста во Владивостоке (1918–1919 гг.).

Доктор Рудольф Б. Тойслер

Так случилось, что прибытие Аллена в Россию совпало с исключительно важными политическими событиями. Буквально в тот же день, когда Аллен сошел с борта «Шиньё Мару» (Shinyō Maru) на российскую землю, военный и морской министр вице-адмирал Александр Васильевич Колчак был произведен в адмиралы. При этом были опубликованы следующие постановления:

«Вследствие чрезвычайных событий, превративших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского правительства, постановил: принять на себя всю полноту верховной государственной власти»⁹.

«Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной Власти в одних руках, Совет министров постановил: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему звание Верховного правителя»¹⁰.

Аллен не очень хорошо знал, кто такой этот русский адмирал, чье имя вызывало столь разноречивые чувства у разных людей. Но сейчас для него важно было заручиться поддержкой действующей власти для осуществления своих почти фантастических планов, связанных со сведениями, полученными им от представителей АКК, работавших на территории Сибири. Они рассказали Аллену весьма странную и противоречивую историю о том, что в нескольких местах на Южном Урале и в Сибири они встречали группы плохо одетых и полуголодных русских детей, которые якобы прибыли из Петрограда и оказались в бедственном положении¹¹. Аллен, не раздумывая, решил, что Красный Крест не может остаться в стороне, и начал действовать.

Получив добро у своего непосредственного начальника доктора Рудольфа Тойслера, Аллен отправился на прием к одному из министров колчаковского правительства. Однако в голове министра не оказалось места для гран-

⁹ Цит.по: В.Краснов. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию.ОЛМА-ПРЕСС, 2000. т.2. С.10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сегодня, благодаря усилиям частных исследователей—потомков участников событий нам известно, что петроградские дети попали в сферу внимания АКК не случайно. Этому во многом способствовал представитель шведского Красного Креста пастор Сарве, а также председатель родительского комитета колонистов Валерий Львович Альбрехт В начале зимы 1918-19гг. они с огромным трудом добрались до мест расселения колонистов в Сибири и, поняв, что организовать отправку детей в Петроград невозможно, сумели договориться непосредственно с представителями АКК о передаче детей под их опеку.

диозных планов спасения своих юных соотечественников. Она была занята, по его мнению, несоизмеримо более серьезными проблемами, чем какие-то мифические полуголодные и полураздетые дети, невесть как оказавшиеся вдали от своих родителей, которым и следовало бы отвечать за их благополучие.

Аллен быстро понял, что обратился не по адресу. Его, гражданина другой страны, эти русские дети, которых он еще никогда не видел, волновали значительно больше, чем господина российского министра. И Аллен стал искать поддержки уже у своих соотечественников.

В Сибири и на Дальнем востоке консервативные русские относились к американскому присутствию если не враждебно, то с большим подозрением, чему способствовала пропаганда в печати. Американцев обвиняли в скрытом сочувствии большевикам. У союзников американцы тоже не вызывали особого восторга. Обстановка была напряженная, и для поддержания порядка и осуществления нормальной деятельности в соответствии с меморандумом Вильсона нужен был человек с трезвым умом и твердым характером. Таким человеком и был командующий Американским Экспедиционным Корпусом в Сибири генерал Грейвс¹². Меморандум Вильсона, в котором говорилось о невмешательстве во внутренние дела России, Грейвс считал основополагающим документом. Деятельность АКК вызывала его раздражение, поскольку он был уверен, что помощь, которую АКК оказывал, например, чехам, была помощью тем, кто явно вмешивался во внутренние дела России. Ведь как бы ни оценивали в Европе и за океаном Брестский мир, война для России уже закончилась, и поддержка иностранными армиями одной из сторон, участвующих теперь уже в войне гражданской, формально была явным вмешательством в российские внутренние дела.

Через несколько лет в своей книге «Американская авантюра в Сибири»¹³ генерал Грейвс с неприязнью писал о докторе Тойслере, который организовал работу АКК в Сибири и во Владивостоке и отправлял продовольственные и другие товары в Омск не для раздачи их российским гражданам, а для снабжения штаба и армии Колчака.

В ответ на претензии генерала Грейвса доктор Тойслер не без гордости заявлял, что АКК оказывает помощь всем нуждающимся, независимо от их политических пристрастий и принадлежности к той или иной воюющей стороне.

Оба—генерал и доктор - искренне не сомневались каждый в собственной правоте и готовы были отстаивать свои принципы. Вообще они во многом походили друг на друга. И тот и другой были немногословны, тверды в своих решениях и трудно шли на компромисс в том, что касалось исполнения служебного долга. Конечно, два таких человека находились в посто-

---

¹² Уильям Сидней Грейвс (William Sidney Graves, 1865–1940)—американский генерал, командовавший американскими оккупационными силами на Дальнем востоке и в Сибири во время гражданской войны в России.

¹³ *America's Siberian Adventure (1918–1920) by General William S. Graves.*

янной конфронтации друг с другом. Поэтому оба в душе удивились, когда неожиданно нашли общий язык по вопросу, к обсуждению которого подтолкнул их Аллен.

Генерал Грэйвс пообещал доктору Тойслеру, что, если дети действительно существуют и будут найдены и собраны вместе, то вооруженная охрана для перевозки грузов и, если понадобится, самих детей будет непременно обеспечена. Предполагалось, что все заботы о питании, одежде и медикаментах для детей возьмет на себя АКК.

Это была первая победа Аллена в борьбе за спасение чужих русских детей, которых он еще ни разу не видел.

Посланники АКК, отправленные Алленом во все известные пункты, где находились петроградские колонисты, добросовестно справились со своим заданием. Вместе с ними прибыли грузы, состоявшие из столь необходимых детям и воспитателям продовольствия, медикаментов, тканей для пошива одежды, предметов личной гигиены и даже учебников и игрушек. Более того, старшие мальчики одной из групп, получили поистине царский подарок – музыкальные инструменты. Одаренные ребята, а их было немало среди колонистов, с восторгом приняли идею создать свой, колонистский оркестр. Ведь все колонисты, а особенно колонистки обожали не только хоровое пение, которым развлекались и даже иногда зарабатывали, но и танцы по субботам.

Жизнь колонистов под покровительством новых американских друзей потекла теперь совсем по-другому. Воспитатели тоже вздохнули свободнее, передав бразды правления американским коллегам.

Однако политические и военные события заставляли и тех, и других быть в постоянном напряжении. Наступление Красной армии, смена власти в отдельных населенных пунктах и невозможность отправить детей домой, в Петроград по железной дороге диктовали необходимость новых, нетривиальных решений.

И вот летом 1919 года несколько железнодорожных составов под усиленной охраной американских солдат уже везут почти девять сотен юных петроградцев и их воспитателей, которых удалось в короткое время собрать из всех городов и станиц, где они к тому времени оказались. Поезда неплохо оборудованы по меркам военного времени, ребята получают хорошее питание, включающее даже такие невиданные заморские деликатесы, как консервированные ананасы. Всем весело и интересно. Однако поезда почему-то идут не на запад, к Петрограду, а в противоположном направлении—к Тихому океану, в далекий город Владивосток, где с волнением ждет своих новых подопечных Райли Аллен.

Этот маршрут, по многим причинам признанный тогда единственно возможным, отдалил колонистов от родного города и от родителей на тысячи километров.

Почти целый год им предстояло прожить во Владивостоке и на острове Русский. И все это время они не получали никаких сведений о родных и

Поезд с колонистами на одной из станций Транссибирской магистрали

близких. Родители тоже практически ничего не знали о судьбах своих детей. Многие считали их пропавшими навсегда в бескрайних просторах воюющей страны. Скупые сведения о судьбе колонии, периодически появлявшиеся в советских источниках, были противоречивы и носили драматический характер. Американский Красный Крест обвиняли чуть ли не в захвате детей в заложники.

Тем временем жизнь во Владивостоке и на острове Русский шла своим чередом и была вовсе не плохой. Все были одеты и обуты, все получали необходимую медицинскую помощь, обо всех заботились, как могли, и сам Райли Аллен, ставший официально начальником колонии, и его замечательные помощники—сотрудники Американского Красного Креста, среди которых больше всех запомнились колонистам молодой менеджер .Бёрл Брэмхалл (Burl Bramhall) и Ханна Кэмпбелл, которую все звали не иначе, как Мамаша Кэмпбелл. Ребята учились в местных гимназиях и реальных училищах, самые старшие мальчики даже поступили в институт, девушки—на курсы сестер милосердия. В дополнение к обычным школьным занятиям, которые велись по существовавшим в России программам, американцы занимались с ребятами английским языком, хотя нельзя сказать, что очень преуспели в этом благородном деле. Гораздо больше, чем зубрить английские слова, ребятам нравилось танцевать. Каждую субботу под звуки собственного оркестра, кружились красивые пары повзрослевших юношей и девушек. Как и положено, случались конфликты со взрослыми, ссоры между собой, проливались слезы обиды и неразделенной любви, мальчишки дрались и мирились, все давно привыкли к коллективной жизни вдали от семьи. Но каждый

раз, когда кто-то из колонистов встречал Аллена, он не мог удержаться от вопроса: «Мистер Аллен, скажите, а когда нас отправят домой?» Вопрос этот тревожил и больших, и маленьких. Никто не мог даже представить себе, что останется здесь навсегда, как бы хороша и беззаботна ни была жизнь под крылом добрых американцев, тративших не только все силы своей души, но и колоссальные материальные средства на содержание такого количества детей и подростков.

К тому времени политическая ситуация серьезно изменилась. Власть адмирала Колчака пала, красные активно продвигались на восток. К концу зимы 1920 года стало ясно, что интервенция союзников в Сибирь не дала никаких результатов. Англия, а за ней и Франция эвакуировали большую часть своих вооруженных сил. Государственный Секретарь Соединенных Штатов готовил приказ о выводе американских войск под командованием генерала Грейвса из Владивостока. Лишь японцы не собирались выводить свои войска. Напротив, именно теперь наступил тот момент, когда они рассчитывали заполнить вакуум власти в регионе, образовавшийся в результате ухода союзников. К весне 1920 года расширение зоны, контролируемой японскими силами, привело к тому, что Транссибирская магистраль была полностью блокирована. Аллен, который сделал все возможное и невозможное, чтобы сформировать поезда с охраной для вывоза на запад петроградских детей, понял, что все его старания были напрасны.

1 апреля генерал Грейвс вывел свои войска из Владивостока, а 5 апреля японцы захватили город. Больше медлить было нельзя.

Контингент Миссии Красного Креста должен был, наконец, покинуть территорию России. Лишь одно препятствие для выполнения этого приказа было на пути у Аллена, давно уже заменившего на посту главы Миссии своего предшественника и друга доктора Тойслера. Этим препятствием были

Колонисты на уроке в школе. Остров Русский. 1919 г.

русские дети. Оставить их здесь на произвол судьбы без крыши над головой, без средств к существованию, без опеки, без охраны, без документов—об этом Аллен даже и не мыслил. Казалось, выхода не было. Но на одном из собраний сотрудников Аллен твердо и решительно заявил: «Мы должны увезти колонию из Владивостока!» Как это сделать, он еще не знал сам. Все усилия Аллена, направленные на поиски возможного места эвакуации детей, оказались бесполезными. Оставалось одно: взять их с собой в Соединенные Штаты, а уже оттуда переправить в Европу.

Однако было совершенно не ясно, как реализовать эту, уже совершенно фантастическую идею. Ни одна страна не пожелала предоставить свой транспорт для петроградских детей. У всех было полно неотложных перевозок, которые надо было осуществлять. Эвакуация людей—как военных, так и гражданских, отправка разнообразного имущества—все это требовало большого количества морского транспорта. Толпы граждан, стремившихся поскорее покинуть Россию, штурмом брали каждый борт.

И только в Японии, отношения с которой как у России, так и у Соединенных Штатов были весьма натянутыми, нашлась компания, готовая предоставить для фрахта сухогруз с красивым названием «Йомей Мару» и японской командой на борту. К тому были причины, которые можно кратко обозначить как роль личности. Этой личностью, сумевшей убедить хозяина компании Кацуда Гиндзиро¹⁴ стал доктор Тойслер, который к тому времени успел заработать себе отличную репутацию в Японии, где давно уже занимался организацией здравоохранения.

Путешествие детей и женщин через два океана на обыкновенном сухогрузе—такого еще не было в истории. Затея Аллена многим казалась заведомой неудачей.

И, тем не менее, 13 июля 1920 года на борт сухогруза, переоборудованного за полтора месяца в не шикарное, но вполне пригодное для жизни пассажирское судно, один за одним поднялись более 800 мальчиков и девочек, их воспитатели, сотрудники и сотрудницы Американского Красного Креста, а также довольно большая группа бывших австро-венгерских военнопленных, направлявшихся к себе домой, в Европу и согласившихся выполнять по пути различные технические работы.

«Йомей Мару», на одной из труб которого был нарисован огромный красный крест на белом фоне, а на борту издали читалась надпись “American Red Cross”, провожала разъяренная толпа военных и штатских людей, которые хотели покинуть Владивосток и шансы которых на это стремительно уменьшались с уходом каждого следующего судна.

Но юные путешественники поневоле не слишком интересовались тем, что остается за кормой их удивительного «Ноева ковчега». Мысли их были устремлены вперед, к новым приключениям.

Первой страной, гостеприимно принявшей безбилетных и беспаспортных петроградцев, была Япония. Как бы ни складывались политические и

---

¹⁴ Кацуда Гиндзиро (1873–1952)—владелец судоходной компании Katsuda Steamship Company, Ltd в г.Кобо, Япония.

KATSUDA STEAMSHIP CO., LTD.,
Kobe, Japan,
TELEGRAPHIC ADDRESS
"KATSUDA KOBE."

CODES
A. B. C. 8TH EDITION
A. B. C. 8TH EDITION IMPROVED
SCOTT'S CODE 10TH EDITION
WESTERN UNION
A. I. CODE
BUNKER'S COMPLETE
PHRASE CODE.

TIME CHARTER.

KOBE, June 1 1920

S.S. "Yomei-maru"

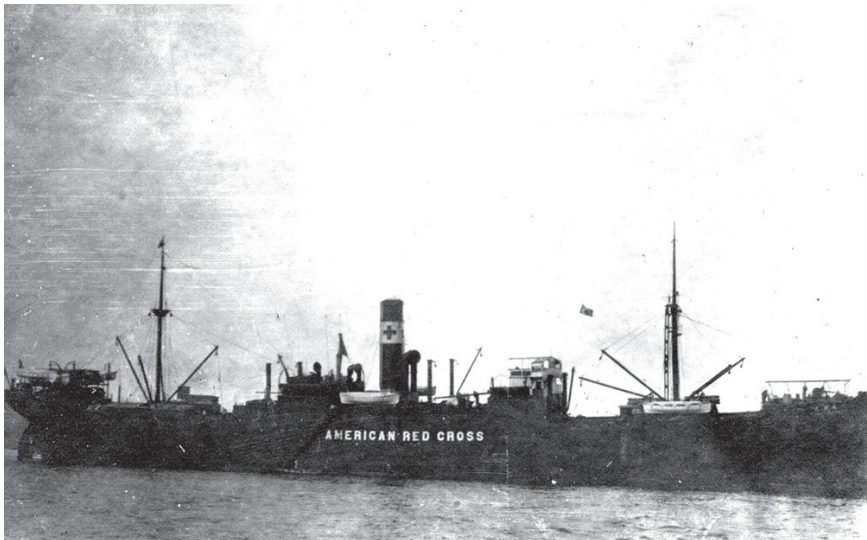
It is this day mutually agreed between Taiyo Kisen Kaisha, Kobe, Japan Owners of the good Japanese Steamer, called the S.S. Yomei-maru of 7150.56 tons gross register, 5146.29 tons net register, classed 100A1 AT Days and to be so maintained during currency of this Charter, of 251 nominal horse power, guaranteed to carry 10685 tons dead-weight all told (including bunkers containing about 1900 tons, fresh water, and stores) on her summer free board, having about 521698 cubic cargo capacity, capable of steaming about 10 knots an hour on a consumption of 55 tons of best Japan coal, now on her way to Inneshima from Kobe, and American Red Cross Commission To Siberia Charterers. Col. R.B. Tesler, Commissioner.

1. That the said Owners agree to let, and the said Charterers agree to be the said Steamer for the term of three calendar calendar months from the day (such day not to be Sunday or a light holiday and in no case before Monday June 1, 1920) the said Steamer is delivered and placed at the disposal of the Charterers, and after written notice has been given between the hours of 9 a.m. and 6 p.m. or between 9 a.m. and 2 p.m. if on Saturday at Innoshima, in such dock, or at such wharf, or place immediately available (where she may always safely lie afloat) as Charterers may direct, she being then tight, staunch, strong, and every way fitted for the service (with her complement of officers and crew) to be employed in such lawful trades, between ports or places within the following limits: General Trading Excluding Bering Sea, Arctic Ocean, Coast of Iceland, and North of Bering, Norway, as well as Gulf of St. Lawrence, Coast of Nova Scotia, Baltic Sea from Oct 1 to April 1 of the following year except at charterers risk, White Sea, Black Sea, St. of Magellan and Coast of Alaska. That the said steamer is not to carry during the period covering from Sept 1 to April 1 of the following year, full cargo of either grain or Lumber from North Atlantic ports to the United Kingdom or Continental (European) ports, also that it is not to carry as cargo any Indian Coal for the period covering from the 1st of June to June 30, inclusive.

As the Charterers or their Agents shall direct on the following conditions:

2. That the Owners shall provide and pay for all provisions, and wages of the Captain, officers, and crew, and for the consular charges pertaining to the Steamer's personnel above mentioned; shall pay for the insurance of the Steamer; also for all the deck, engine-room, and other necessary stores; and to maintain

Фрагмент договора о фрахте сухогруза «Йомей Мару». Национальный архив США.

Японский сухогруз «Йомей Мару». Владивосток, июль 1920 г.

военные отношения между Японией и Россией в последние годы, это никак не сказалось на детях. Они были желанными гостями, и провели в небольшом порту Муроран на острове Хоккайдо долгий и счастливый день. Заваленные гостинцами и сувенирами, переполненные впечатлениями, покидали колонисты берега Японии.

Петроградские колонисты в гостях у японских школьников. Порт Муроран, о.Хоккайдо. Июль 1920 г.

Переход через океан на удивительном пароходе занял две недели, и в ночь с 31 июля на 1 августа 1920 года «Йомей Мару», преодолев почти пять тысяч миль, прибыл в порт Сан-Франциско.

3 августа вся первая страница газеты “San Francisco Chronicle” была занята фотографиями детей и персонала Красного Креста, сделанными на борту «Йомей Мару».

Райли Аллен с русской девочкой на борту «Йомей Мару»

«ДЕТСКИЙ» КОРАБЛЬ БРОСАЕТ ЯКОРЬ В САН-ФРАНЦИСКО». Под таким заголовком был напечатан первый большой материал о петроградской детской колонии.

Военный форт Скотт недалеко от Сан-Франциско, спешно переоборудованный для приема необычных постояльцев, был готов к встрече гостей. Чистые койки с пологамы от москитов, простая, но сытная еда, внимание волонтеров Красного Креста и огромного количества эмигрантов из России, стремившихся увидеться с детьми,—все это ожидало колонистов в форте. Экскурсии, концерты, встречи, подарки, гостинцы, приглашения семейств усыновить и удочерить желающих остаться в Соединенных Штатах обрушились на растерянных от обилия впечатлений ребят.

5 августа корабль покинул гостеприимный порт под приветственные крики собравшейся на пирсе толпы.

18 августа панамский порт Бальбоа заполнили жители, желавшие своими глазами увидеть «детский» корабль, который должен был пройти через знаменитые шлюзы Панамского канала, чтобы попасть в Атлантический океан и продолжить путешествие в его водах.

«Йомей Мару» в шлюзах Панамского канала. 1920 г.

Стояла изнуряющая жара, от которой жители северной российской столицы изрядно страдали. Понимая это и желая сделать для детей и персонала что-то приятное, местное отделение Красного Креста прислало на борт 50 галлонов отменного мороженого на картонных тарелках. Два ящика ананасов и 40 связок спелых бананов также оказались весьма уместными подарками.

И вот порт Бальбоа с добродушными панамцами позади, и «Йомей Мару» продолжает свое путешествие через два океана.

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

24 August, 1920

My dear Mr. Rule:

Doctor Axson has shown to Mrs. Wilson and me your letter to him of August twenty-fourth, and I write to beg that you will convey to the colony of Petrograd children which has been under the care of the American Red Cross Commission to Siberia during the past year, and is now being transported by the Commission to Brest, France, our warmest greetings. I am sure that you may say to them that the hearts of all the people of the United States go out in the tenderest sympathy and that they will always hope that their future will be happy enough to make some amends for the past.

Cordially and sincerely yours,

Woodrow Wilson

Mr. James H. Rule,
National Director,
Department of Junior Red Cross.

Письмо президента Вудро Вильсона с пожеланиями колонистам.

размноженные в типографии Белого дома, раздаются всем колонистам. У некоторых эти замечательные сувениры чудом сохраняются, несмотря на страх перед репрессиями, войну, блокаду, эвакуацию.

Казалось бы все прекрасно. Дети полны впечатлений, они, как обычно, сыты, скромно, но чисто одеты и обуты, о них продолжают заботиться русские и американские воспитатели. Однако есть одно обстоятельство, которое омрачает настроение колонистов. Еще на пути в Нью-Йорк они узнают о решении главы Европейской комиссии Красного Креста полковника Роберта Олдса¹⁶ направить корабль с петроградскими детьми не непосредственно к берегам Балтики, как планировалось, а во Францию, где они должны остаться на неопределенное время. Объясняли этот неожиданный новый поворот в судьбах колонистов невозможностью отправить их в Советскую Россию, обстановка в которой была, по мнению Олдса, опасной для детей. Аллен, который с большой неохотой довел распоряжение Олдса до сведения колонистов, обещал, что как только обстановка изменится, ребят будут отправлять на родину небольшими группами по мере выяснения местонахождения и состояния их родителей. Ведь многие за это время могли покинуть Петроград

Райли Аллен, который отправился из Калифорнии в Нью-Йорк на поезде, уже ждет там своих подопечных, подготовив все что необходимо для их встречи. Форт Водсворт¹⁵ готов предоставить гостям свои казармы.

И снова восторженные толпы американцев и эмигрантов из России и Украины встречают японский корабль под американским флагом с русскими детьми на борту. И снова—встречи, концерты, подарки, экскурсии. Сам президент Вильсон, уже смертельно больной, подписывает свое фото и диктует обращение к петроградским детям. Обе копии—фото и письмо—в сотнях экземпляров

¹⁵ Fort Wadsworth—форт на восточном берегу Staten Island.

¹⁶ Роберт Эдвин Олдс (Robert Edwin Olds) (1875–1932)—американский дипломат, в 1919–21 гг был представителем Американского Красного Креста в Европе.

и Россию, многие могли просто погибнуть в условиях голода, эпидемий и репрессий. Все эти, казалось бы, вполне резонные объяснения, не произвели никакого впечатления на колонистов. Желавших отправиться во Францию, которая успела проявить себя весьма недружелюбно по отношению к российским союзникам, не оказалось. Старшие колонисты, а вместе с ними и многие воспитатели, единодушно и резко выступили против «французского» варианта и, воспользовавшись поддержкой русскоязычной общественности в Нью-Йорке, в том числе непризнанного советского представителя Людвиг Мартенса¹⁷, в конце концов, добились изменения решения.

Портрет президента Вудро Вильсона с автографом.

Покинув гостеприимные Соединенные Штаты и достигнув Европы, «Йомей Мару» зашел во французский порт Брест всего лишь на несколько дней. Затем он взял курс к берегам Балтики и каждую минуту рискуя наскочить на одну из многочисленных морских мин, благодаря искусству лоцманов, сумел благополучно прибыть в порт Гельсингфорс

Финляндия, еще в декабре 1918 года, получившая независимость, оказалась единственной страной, которая разрешила судну войти в свои воды. Однако в порту Гельсингфорс никто не встречал корабль с русскими детьми восторженными приветствиями, цветами и подарками. Его вообще никто не встречал. И сойти на берег было позволено лишь Аллену и нескольким его сотрудникам. Предстояли долгие и сложные переговоры с местными властями в поисках решения вопроса: что делать с пассажирами? Ведь уже все возможные сроки фрахта японского судна были превышены, и Красный Крест нес огромные расходы. Многие сотрудники Красного Креста, верные долгу, не покинули корабль у себя на родине, в Америке, а продолжили путь вместе со своими русскими подопечными. Но и они должны были рано или поздно вернуться домой, к своим собственным семьям.

¹⁷ Людвиг Карлович Мартенс (нем. Ludwig Christian Alexander Karl Martens) (1874–1948)—российский революционер немецкого происхождения, советский общественно-политический деятель, инженер, в 1919–1920 гг.—официальный (непризнанный) представитель Советской России в США.

Наконец, решение было найдено: колонистам позволят сойти на берег в порту Койвисто (нынешний город Приморск) из которого их переправят в бывший императорский санаторий «Халила» (сейчас санаторий «Сосновый Бор» на территории России), где они смогут разместиться в корпусах, предварительно переоборудованных для столь необычного контингента отдыхающих.

13 октября 1920 года закончился очередной этап удивительных приключений петроградских колонистов. Позади остались тысячи километров пути по суше и по морю. На всю жизнь врезались в память ни с чем не сравнимые впечатления.

Распрощавшись с командой и капитаном и в последний раз взглянув на «Йомей Мару», который три месяца служил им плавучим домом, колонисты отправились из Койвисто в Халила. До Петрограда было рукой подать— всего каких-нибудь 140 километров, а до границы—и того меньше.

Но теперь Аллену предстояло убедиться, что его подопечных действительно ждут в Петрограде, что у каждого есть хоть кто-то из родных, кто встретит и будет заботиться о нем. Однако почтовая связь с Советской Рос-

Райли Аллен ведет переговоры с финскими представителями в порту Гельсингфорс.

Страница из альбома колониста Н.Иванова.

сией могла осуществляться лишь через Ревель (нынешний Таллинн, Эстония), а потому писем от родных ждали долго. Приходили они в разное время. И как только набиралась группа ребят, получивших подтверждение о том, что их ждут дома, их начинали готовить в путь. Зная об экономическом и продовольственном положении в Петрограде, американцы постарались обеспечить ребят хотя бы на первое время всем необходимым. Каждому был выдан специально сшитый мешок, набитый продовольствием и предметами первой необходимости. Каждый получил немного денег для того, чтобы купить что-то уже по своему усмотрению. У финских крестьян на рынке можно было купить и обменять все что угодно.

Ребята не захотели остаться в долгу перед своими спасителями и друзьями. Каждый сотрудник Американского Красного Креста получил на память сувенир, сделанный руками колонистов. Несколько недель девочки и мальчики тайно вязали, шили и рисовали, выпиливали, вырезали и клеили. Это были подарки от всего сердца, которые они вручали Аллену и его сотрудникам с искренней любовью и благодарностью. Забыты были все конфликты, недоразумения и противоречия, никто не скрывал волнения и слез – ведь расставались навсегда. Даже самые маленькие понимали, чем они обязаны всем этим людям со значками Красного Креста на форменной одежде. И вот наступал день, когда очередная группа колонистов отправлялась вместе с Алленом на пограничный пункт в районе нынешнего поселка Белоостров¹⁸, где по предварительной договоренности с советскими властями, детей должны были по спискам переправлять через пограничную реку Сестру на российскую землю.

С волнением ступали на пограничный полуразрушенный мост колонисты, еще не зная, что их ждет впереди в их новой взрослой жизни. И их американские друзья не знали, что среди тех, с кем они прощаются, будущий организатор пионерского движения Валентин Цауне, будущий музыкант и известный музыкальный коллекционер Иван Семенов, будущий ленинградский композитор Виталий Запольский, будущий профессор, крупный ученый-биолог Николай Иванов, который поможет спасти многих горожан во время предстоящей блокады и уберезет уникальную коллекцию семян, и даже будущий великий балетмейстер Леонид Якобсон и еще многие достойные граждане и прекрасные профессионалы, чьи судьбы и карьера могли бы

Группа колонистов на пограничном пункте вблизи поселка Белоостров. Осень 1920 г.

¹⁸ В 1918–1940-м годах советско-финская граница проходила по реке Сестра, через посёлок Белоостров (Valkeasaari).

быть совсем иными, если бы однажды добрый человек из Гонолулу Райли Аллен не взял на себя добровольную ответственность за их жизни...

В январе 1921 года последняя группа колонистов покинула Финляндию. Закончилась одна из самых удивительных одиссей в истории. Уехав в мае 1918 года с Финляндского вокзала на восток, 800 петроградских детей вернулись на тот же вокзал с запада, преодолев за два с половиной года более 36 000 километров по суше и по морю и совершив, таким образом, настоящее кругосветное путешествие.

Райли Аллен вернулся в Гонолулу и прожил там большую плодотворную жизнь. Он умер очень пожилым человеком в конце 60-х годов XX века. Но еще долгое время его имя время от времени появлялось на страницах газеты, главным редактором которой он был многие годы после возвращения из России. Он сумел помочь еще очень многим детям разных национальностей и с разным цветом кожи. Он был великим гуманистом и интернационалистом. Знавшие его вспоминали, что он никогда и никому не позволял называть японцев презрительным словом “Яп”. Он всегда оставался верен принципам деятельности Красного Креста, которому отдал несколько лет жизни и большую часть своей души: помогать всем нуждающимся в помощи независимо от политической, религиозной, расовой и национальной принадлежности.

Аллен больше никогда не встречался со своими петроградскими подопечными. Но каждый из них хранил память о нем до конца жизни. Ведь если бы не этот человек, кто знает, как бы сложились их судьбы? Смогли бы их дети, внуки и правнуки собраться вместе, как собрались они в январе 2007 года, чтобы почтить память не только своих родных—бывших мальчиков и девочек из Петроградской детской питательной колонии, но и тех, кто когда-то протянул им руку помощи, и в первую очередь—гражданина Соединенных Штатов Америки и гражданина мира Райли Х. Аллена.

***

Нет сомнения, что эта история принадлежит не только потомкам спасённых и спасителей. Все происходившие события и люди, участвовавшие в них, достойны того, чтобы стать темой серьёзных исследований - историков разных направлений, представителей разных стран, в особенности—стран-участниц одиссеи. Однако, как это ни странно, столь удивительный эпизод практически не нашёл своего профессионального исследователя до сих пор. Во всяком случае, нам об этом ничего не известно. В нашем распоряжении есть сборник Делаверские записки¹⁹ в которых в 1949 году был опубликован материал, написанный Джейн Сван, выпускницей Пенсильванского университета и основанный по большей части на рассказах и свидетельствах ее мужа, известного американского музыковеда Альфреда Джулиуса Свана, которому довелось участвовать в спасении петроградских

---

¹⁹ An Episode in the Great Russian Revolution: the Children's Colonies in Siberia by Jane B. Swan and Walter Kirchner. Delaware Notes. University of Delaware. 1949.

детей в 1918-19 гг. Впоследствии, Джейн Сван вновь занялась этой историей и описала ее намного более подробно в своей книге²⁰, работая над которой она посетила некоторых бывших колонистов в Ленинграде и взяла у них интервью. В 1965 году вышла книга Флойда Миллера²¹, основанная на воспоминаниях одной из сотрудниц миссии Американского Красного Креста в России Ханны Кэмпбелл. Однако эту книгу никак нельзя считать поностью документальной.

В период перестройки и в постсоветский период вновь возник интерес к этой малоизвестной странице российско-американских отношений. Тогда вышел роман Владимира Липовецкого²² и документальная повесть автора этой статьи²³. Появился ряд статей в газетах и журналах, радио- и телевизионные передачи. В 2018 году ограниченным тиражом издан перевод на русский язык уникальных воспоминаний капитана сухогруза «Йомей Мару» Мотодзи Каяхара²⁴. Однако ни одно из названных изданий нельзя считать в полной мере историческим исследованием, так как авторы не являются профессиональными историками и ставили перед собой в основном гуманитарные и образовательные задачи. Тем не менее их работы, а также большой корпус дневников, воспоминаний, документов и фотографий, сохраненных в самые трудные и опасные времена участниками событий²⁵, могли бы послужить хорошей основой для серьезной работы историков, так как события столетней давности, кратко описанные в этой статье, требуют гораздо более глубокого и всестороннего изучения и анализа.

---

²⁰ The Lost Children. A Russian Odyssey by Jane B.Swan. Pensilvania. 1989.

²¹ Wild Children of the Urals by Floyd Miller. New York. 1965.

²² В.Липовецкий. Ковчег детей или Невероятная одиссея. СПб, Азбука-классика. 2005.

²³ О.Молкина. Над нами Красный Крест. СПб,Остров.2005, 2007(второе издание).

²⁴ Мотодзи Каяхара. Малоизвестная история времен Красной революции. Записки о перевозке российской детской колонии. Авторское издание. Япония. 1934. Перевод на русский язык. СПб, 2018. Издание осуществлено на средства Сообщества потомков участников событий и партнеров Проекта «Над нами Красный Крест» и не является коммерческим. Текст доступен на сайте: http://www.petrograd-kids-odyssey.ru/files/books/book_japan.pdf.

²⁵ Наиболее полная информация об истории спасения петроградских детей, включающая публикации разных лет, фотографии, документы, видеозаписи, а также отражающая многолетнюю работу Сообщества потомков участников событий в рамках Проекта международной солидарности «Над нами Красный Крест». представлена на сайте www.petrograd-kids-odyssey.ru, созданном в 2016 году при поддержке Генерального консульства США в Санкт-Петербурге.

Ф. Харпер—свидетель Русской революции 1917 г.¹

Olga Porshneva

Подготовка к 100-летним юбилеям двух крупных событий мировой истории—годовщине начала Первой мировой войны и Российской революции 1917 г.—вызвала к жизни целый ряд научных проектов. Одной из их разновидностей стали работы по выявлению, критике и публикации новых источников, прежде всего эго-документов, по истории этих эпохальных событий². Дневники и воспоминания, созданные их участниками и очевидцами, являют собой первоначальную форму исторической памяти, являясь одним из источников формирования национальных традиций памяти. Они позволяют, помимо изучения всего многообразия проявлений опыта войны и Революции, проанализировать особенности формирования их образов в представлении современников, применительно к разным национальным сообществам, определить истоки и факторы, повлиявшие на их возникновение.

Крупным международным научным проектом, приуроченным к 100-летию Российской революции 1917 г., стало переиздание воспоминаний ее американских свидетелей («Americans in Revolutionary Russia»—«Американцы в революционной России»), реализуемое под руководством профессоров Н. Сола и В. Виссенханта в США с привлечением российских специалистов. На сайте проекта подчеркивается, что он направлен на переиздание трудов, зафиксировавших наблюдения и опыт американцев, ставших свидетелями войны и революции в России в период между 1914 и

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

² См.: Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917—май 1921 г). Сборник документов / Сост. В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. (Новосибирск: Автограф, 2015); Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова. (Москва: Политическая энциклопедия, 2015); Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016); Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.Б. Ларионова, Е.Ю. Лебеденко, Н.А. Михалёв, С.А. Пьянков, Е.Ю. Рукосуев, Н.В. Середа, О.В. Чистяков, М.И. Вебер; науч. ред. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН (Москва: Политическая энциклопедия, 2017); и др.

1921 г. Подчеркивается, что большинство их мемуаров не были переизданы с тех пор, как они были впервые опубликованы сто лет назад. Эта серия предлагает новые издания этих работ с введением экспертов, текстовыми примечаниями, обширным справочным аппаратом³.

Введение в оборот новых источников позволяет не только комплексно осмыслить опыт России в мировой войне и Революции, но и углубить понимание проблем взаимовосприятия народов, исторической памяти о судьбоносных событиях национальной и мировой истории. В переломные периоды истории, каким была эпоха военно-революционного кризиса 1914–1921 гг., от представлений и поведения «великих» и «маленьких» людей, вовлеченных в процессы перемен, зависел исход событий. Это осознавали и их современники, многие из которых оставили документальные мемуарные свидетельства.

Образ России, ее народа, военных, государственных и общественных деятелей эпохи мировой войны и Революции глазами иностранного очевидца—не новая тема в историографии⁴. В преддверии юбилейных дат она получила мощный импульс в связи с актуализацией исторической памяти, необходимостью ответа на актуальные общественные и научные запросы⁵. Одним из подобных запросов является потребность в осмыслении влияния актуального образа войны и революции, запечатленного в мемуарах иностранных очевидцев, на формирование исторической памяти, мифов и образов этих событий в общественном сознании народов разных стран.

---

³ https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia дата обращения 18.04.2018

⁴ Norman E. Saul. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. (Lawrence, University press of Kansas, 2001); Захаров, А.М. Генерал Альфред Нокс—свидетель и мемуарист Февральской революции 1917 года, *Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005*. (Санкт-Петербург, 2005): 88-92; Давидсон, А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников, *Новая и новейшая история*. no 1 (2007): 181-197; Павлов, А.Ю. Проблема восприятия военных усилий союзника в русско-французских отношениях периода Первой мировой войны, *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Выпуск 3 (2010): 89-95; Журавлева, В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. (Москва: РГГУ, 2012); и др.

⁵ Адамов, Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны, *Уральский исторический вестник*. no 1 (42) (2014): 53-58; Портнягин, Д.И. Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г., *Великая война 1914-1918 гг. Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны*. Вып. 3. (Москва: Квадрига, 2014): 22-26; Разиньков, М.Е. «Они могли бы держаться годами, если бы...». Опыт комплексного анализа представлений интервентов о России, *Диалог со временем*. no 53 (2015): 216-238; Голубинов, Я.А. Наблюдая революцию: Британский отдел военного снабжения генерала Пуля в России в 1917–нач. 1918, *Гуманитарные науки в Сибири*. no 1, Vol. 24 (2017): 26-31; Бабинцев В.А., Галкина Ю. Реорганизация Французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917), *Quaestio Rossica*. Vol 5, No 1 (2017): 241-254; и др.

В год столетия Русской революции 1917 г. в центре научных и общественных дискуссий оказался целый ряд актуальных вопросов, среди которых проблема неизбежности/вероятности Революции, ее причины, роль различных политических и социальных сил в событиях и многие другие. В новейшей историографии по этим проблемам высказываются различные, порой полярные точки зрения, острота дискуссий в ряде случаев достигает беспрецедентного накала⁶. Как отметил директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров в своей «юбилейной» историографической статье, «надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи «великих потрясений» остаётся актуальной задачей историков»⁷. В этой связи для прояснения ряда вопросов должны привлекаться новые и более пристально изучаться опубликованные источники, позволяющие осмыслить ряд дискуссионных моментов, уточнить детали, установить характерные черты происходивших процессов и их восприятие современниками.

Особой разновидностью источников изучения Русской Революции являются мемуарные свидетельства зарубежных очевидцев, среди которых значимую роль играют документы, вышедшие из-под пера военных, политических и общественных деятелей, журналистов. Одно из таких произведений—дневник Ф. Харпер и написанные на его основе мемуары, представляющие собой ценное документальное свидетельство о ходе Февральской (Мартовской) революции⁸, развитии событий весной-летом 1917 г., положении на фронте и в тылу. Книга Ф. Харпер позволяет выявить культурные особенности восприятия западным очевидцем процессов Русской революции, реконструировать внутренний мир автора, индивидуальный опыт переживания повседневности, прояснить фактический ход событий.

*

Харпер, урожденная МакЛеод Флоренс Энн (1886—не ранее 1946)—канадская и американская журналистка. Родилась в Вудстоке, канадской провинции Онтарио. Была восьмым ребенком в семье шотландского эмигранта Уильяма Чарльза МакЛеода и Джейн МакКензи. По свидетельству самой Ф. Харпер, ее назвали в честь британской медсестры Флоренс Найтингейл, которая стала известной благодаря своей деятельности во время

---

⁶ Петров, Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции, *Российская история*. no 2. (2017): 4-7.

⁷ Петров, Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции, 9.

⁸ По европейскому календарю события Февральской революции 1917 г. (23-27 Февраля по ст. стилю, принятому в России в соответствии с юлианским календарем) пришлось на 8-12 марта 1917 г. по новому стилю, т.е. Григорианскому календарю, поэтому на Западе она называется Мартовской. Далее Революция будет называться Февральской в соответствии с традицией российской историографии.

Крымской войны⁹. С 1900 г. Флоренс регулярно бывала в США, работала на американские газеты и журналы в качестве журналистки. До начала Первой мировой войны провела шесть лет в Англии, три года в школе в Торонто, два года в Австралии и Новой Зеландии, несколько зим в Египте и Италии¹⁰. Незадолго до Первой мировой войны она вышла замуж за банкира Ангуса Фредерика Харпера. Во время войны Ф. Харпер работала в Европе как работник в сфере гуманитарной помощи (relief worker) и военный корреспондент. Она приехала в Париж в 1914 г., написав позже, что битва на Марне «впервые принесла ей звук больших орудий, и было невозможно оставаться без дела, поэтому я погрузилась в тяжелую работу, от которой до работы в газете был только один шаг»¹¹. (The battle of the Marne “brought her the sound of big guns for the first time, and it was impossible to stay idle, so I plunged headlong into relief work. From that to newspaper work was only a step”). В 1916 г. она освещала события на Западном фронте, во Франции. В начале 1917 г. приехала в Россию в качестве специального военного корреспондента американского журнала «Леслис Викили» (“Leslie’s Illustrated Weekly Newspaper”). Во время командировки в Россию она, помимо этого, была уполномочена делать фотографии для ведущей американской газеты “The New York Times” и для американской кинокомпании “Paramount Pictures”, была штатным корреспондентом и официальным фотографом американского информационного агентства “Central News Photo Service”¹². Она работала в России вместе с Дональдом Томпсоном, штатным военным фотографом “Leslie’s”, с конца февраля по конец августа (начало сентября по григорианскому стилю) 1917 г., став свидетелем Февральской революции, действий Временного правительства, борьбы политических сил, июльского вооруженного мятежа, выступления Л.Г. Корнилова.

По возвращении из России в США Ф. Харпер написала книгу, запечатлевшую ее опыт, которая была опубликована в Нью-Йорке в 1918 г. и получила положительные отзывы в прессе. Одним из таких отзывов была рецензия в «Frank Leslie’s Weekly», в которой говорилось: «Целый поток материалов был опубликован о Русской революции, но ничего более интересного не появилось на эту тему, чем книга Флоренс МакЛеод Харпер “Неудержимая Россия”»¹³. (“A FLOOD of matter has been published concerning the Russian revolution, but nothing more interesting has appeared on the subject than Florence MacLeod Harper’s book, “Runaway Russia”). В другом издании, журнале «Конституция Атланты», так отзывались о Ф. Харпер и ее книге: «Госпожа Харпер поехала в Россию, специально снаряженная для этой

---

⁹ Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 5

¹⁰ Who is Florence Harper?, in: *The Atlanta Constitution*. 2018. Sunday, May 19, p. 14.

¹¹ Ibidem.

¹² Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 5.

¹³ In Russia’s Storm Center, in: *Frank Leslie’s Weekly*, May 11, 1918.

работы,—она была обученным газетным корреспондентом и ветераном, когда дело доходило до проведения кампаний. Обладая всеми необходимыми качествами, от драматического инстинкта до взгляда художника, она погрузилась в революцию с «простым шотландским предчувствием», и она не только представила в книге трагическую борьбу за свободу, но и так рассказала историю, что она волнует читателя, подобно захватывающему рассказу Конан Дойла¹⁴. (“Mrs. Harper went to Russia specially equipped for this work—she is a trained newspaper correspondent and a veteran when it comes to campaign work. Possessing all the qualities needed, from the dramatic instinct to the artist’s eye, she plunged into the midst of the revolution with what she terms a “plain Scotch hunch”, and she not only presents the tragic struggle for freedom, but tells the story in a way that is as thrilling as one of Conan Doyle’s breath-taking stories”).

Согласно переписи населения США 1920 г., местом проживания семьи Харпер после Первой мировой войны была деревня Дансвилл в округе Ливингстон, штат Нью-Йорк. В годы Второй мировой войны Ф. Харпер, к тому времени уже овдовевшая, работала в американской волонтерской организации «Общество помощи британцам, пострадавшим от войны»—“British War Relief Society”¹⁵.

*

Ф. Харпер зафиксировала факты и свои впечатления, характеризующие события Русской революции с февраля по август 1917 г. Она прибыла в Петроград вместе с Дональдом Томпсоном накануне Революции, 12 (25) февраля 1917 г. Важное свидетельство этих десяти предреволюционных дней, содержащееся в книге—голод в столице, дефицит продовольствия, недоступность продуктов первой необходимости для бедняков. Она описывает длинные очереди за хлебом, отмечая при этом, что в России было достаточно продовольствия, чтобы накормить все население¹⁶.

*«There was no scarcity of food in Russia. There was more than enough to feed the whole population, but for some reason or other, things had fallen into a terrible state in Petrograd. The bread-lines were long; everything was dear. When I say “dear,” I mean it was quite impossible for the poor people to have the common necessities of life»*¹⁷.

¹⁴ Who is Florence Harper?, in: *The Atlanta Constitution*. 2018. Sunday, May 19, p. 14.

¹⁵ Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 5.

¹⁶ У земледельцев было много хлеба, но они не согласились с твердыми ценами, предложенными правительством, и отказывались продавать свой хлеб заготовителям. Продразверстка, введенная в декабре 1916 г., провалилась. См.: Кондратьев, Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. (Москва: Наука, 1991): 203-204.

¹⁷ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*. (New York: The Century Co, 1918), 21-22.

Другое свидетельство, важное для понимания предпосылок революционного взрыва—констатация кризисного состояния общественного сознания. О психологической готовности людей к потрясениям на руб. 1916–1917 гг. говорят разнообразны источники¹⁸. «Предгрозовое состояние» общественной атмосферы, свидетельствующее о широком общественном недовольстве, ожиданиях судьбоносных перемен, напряженности и дезориентации фиксируется и в записях Ф. Харпер. В частности, она писала: *“The American vice-consul (she meant Lee Frank Charles, her friend¹⁹) ... seemed very excited about the political situation and told me that trouble was expected any minute... Everyone I spoke to seemed so very excited and muddled that it was difficult to find out the real state of affairs. Nobody knew what was going to happen, but everybody agreed that something was going to happen. They all said the same thing—“Wait a while!” ... I do not know why, because I hadn't been in Russia, long enough, but, like everybody else there, I knew that trouble was coming”*²⁰.

Ф. Харпер описывает события начавшейся Революции: стихийные волнения на Невском проспекте и в других местах, многочисленные спонтанные столкновения демонстрантов, вышедшего на улицы народа с защитниками старого режима. Они были вызваны, как это очевидно из текста, общественным возбуждением и напряжением, с одной стороны, и отчаянными попытками старой власти сохранить порядок,—с другой, переходом частей гарнизона на сторону революции.

Один из центральных сюжетов повествования Ф. Харпер—тема насилия и жертв революции. Она фиксирует постепенное развитие погромной активности рабочих, солдатских масс и «городского отребья» в ходе событий 23–27 февраля. К 25 февраля, по ее свидетельству, к бунтующим толпам на Невском присоединилось «все отребье из городских предместий»:

*«By Saturday morning (25 февраля /10 марта—О.П.) the mobs in the Nevsky had been joined by all the riff-raff from the outskirts»*²¹.

Автор описывает акты насилия перешедших на сторону революции солдат Петроградского гарнизона, убивавших полицейских, громивших и грабивших, наряду с анархистами и уголовниками, квартиры мирных жителей, магазины и лавки. С другой стороны, она живописует расправы над протестующими переодетыми в солдат полицейских, стрелявших в толпу, верных правительству солдатских частей, казаков. Харпер, в частности, описывает утро 26 февраля (11 марта) на Невском проспекте, начавшееся мирными шествиями добродушно настроенного народа, среди которого было много женщин и детей, собравшихся, казалось, поглазеть на цирковое представление:

¹⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, л. 220–222; Меньшевики: Док. и мат. 1903—февраль 1917 г. (Москва: РОССПЭН, 1996), 435–437.

¹⁹ См.: Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 28.

²⁰ Harper F. MacLeod. Runaway Russia. (New York: The Century Co, 1918), 24.

²¹ Ibid, 29.

“Sunday morning the Nevsky was crowded with people. It was a beautiful day. The crowds reminded me of a circus day” in a small town. I never saw so many children. Everybody was out to see the fun”²².

Несмотря на мирный настрой, толпа, направлявшаяся с пением «Марсельезы» от Аничкова дворца, была расстреляна полицией и солдатами, при этом среди убитых и раненых было больше женщин и детей, чем мужчин:

*«All around lay dead and wounded. There were more women and children than men».*²³

Дневник Ф. Харпер, наряду с другими документами, содержит яркие свидетельства вакханалии «революционного» насилия в дни Революции. Они подтверждают положение современной историографии о том, что Февральская Революция, несмотря на ее демократический характер, была ознаменована многочисленными жертвами, а массовое движение в большой степени воплощало практики традиционного бунтарства²⁴.

Тема насилия развивается в ее повествовании о путешествии в Кронштадт и на фронт, где она повествует о расправах матросов над флотскими офицерами²⁵ и солдат над сухопутными офицерами²⁶. Она говорит о ничтожности/отсутствии поводов к арестам и расправам, опьянении безнаказанностью и властью толпы у солдат и, с другой стороны,—чувстве обреченности у офицеров.

«If an officer gave an order that was distasteful to the men, he was simply placed under arrest and either shot or sent to Petrograd to be tried. All the officers knew that they were doomed. It was only a matter of time until they would all become victims of the revolution»²⁷.

Ф. Харпер описывает расправу толпы «революционных матросов» и обывателей над флотскими офицерами в Кронштадте, демонстрирующую психопатологию смуты²⁸:

“They were finally shot, because at that midnight meeting the crowd, impatient and becoming bored, attacked them, shot them, and beat them to death”²⁹.

Известный историк В. П. Булдаков отмечает, что восприятие солдатского поведения как неспровоцированного насилия было характерно для образованных людей того времени, так как они не понимали психологию «безмолвствующего народа». Очевидно, что Ф. Харпер также принадлежит к их числу. Булдаков вскрывает психологические мотивы солдатского

---

²² Ibid, 37.

²³ Ibid, 39.

²⁴ См., например, Булдаков, В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. (Москва: РОССПЭН, 1997), 55.

²⁵ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 198.

²⁶ Ibid, 153.

²⁷ Ibid.

²⁸ Данный термин введен в историографию В.П. Булдаковым: См.: Булдаков, В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. (Москва: РОССПЭН, 1997).

²⁹ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 198.

«палачества»: убежденность в том, что жертвы концентрируют в себе пороки старого режима; «потеря лица» бывшими сильными мира сего перед потенциальными палачами; «неуместный» облик, то есть провоцирующее выпадение случайных особей из психической ауры толпы; ниспровержение революционных квазигероев за отступничество»³⁰.

Рассказывая о событиях апреля-сентября 1917 г., автор уделяет внимание характеристике политических, социальных сил, деятелей революции. Главными политическими фигурами в ее повествовании выступают Керенский и Корнилов, действительно сыгравшие в этот период судьбоносную роль в ходе и исходе событий. Керенский выступает как демагог, фигура слабая и нерешительная, упустившая реальную возможность ликвидации большевизма и анархии:

*"If any man could have saved Russia in the beginning, Kerensky could have done it, if he had been a man of action, instead of a demagogue"*³¹.

В противоположность ему Корнилов характеризуется как человек действия, честный солдат и истинный патриот, поражение которого означало утрату последнего шанса спасения России.

*"The contrast between his statement and the speeches of Kerensky proves that one was a true patriot in heart and soul, working for the good of his country, and that the other was a demagogue who had been too long at the head of the government"*³².

Мятеж Л.Г. Корнилова, отношение к нему разных политических и социальных групп, поведение солдат противоборствующих сторон, личные переживания автора стали последними событиями конца августа 1917 г. (начала сентября по григорианскому календарю), яркое описание которых дано в книге Ф. Харпер³³.

Наиболее опасными политическими явлениями, изображаемыми автором как болезнь, поразившая русский народ, выступают в книге большевизм и социализм.

*"It was just the canker of socialism eating into their hearts and destroying all that was good in them"*³⁴.

Большевики и другие радикальные социалисты рассматриваются Ф. Харпер не как самостоятельные игроки на поле революции, а как агенты внешнего врага—Германии. Последняя, по мнению автора, провела умелую интригу, направленную на разложение русской армии и тыла. Она, как утверждает Харпер, действовала через своих агентов—большевиков, русских евреев, русских немцев, выходцев из Прибалтийских губерний³⁵, «интернационалистов» всякого рода, членов левых социалистических

³⁰ Булдаков, В.П. Красная Смута, 121.

³¹ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 222.

³² Ibid, 285.

³³ Ibid, 272-287. Далее, в последней, XIX главе, она повествует о своем долгом возвращении на родину.

³⁴ Ibid, 152.

³⁵ Их влияние на рабочий класс Петрограда, объясняющее увлечение рабочих немецкими учениями, автор явно переоценивает.

партий. После Октябрьского переворота Ф. Харпер продолжала утверждать, что Германия вывела многочисленную русскую армию из войны не за счет превосходства в силе, а морально разложив ее изнутри³⁶.

Германия непосредственно подрывала, как пишет Харпер, боеспособность русской армии, забрасывая русские окопы лживыми газетами и листовками. Ф. Харпер выдвигает обвинения в бездействии в адрес стран Антанты, т.к. считает, что союзники не противопоставили германской пропаганде столь же активную и эффективную контрпропаганду: антигерманскую и про-союзническую.

"The German agents told him³⁷ that the war was brought on by the capitalists of France, England, and Germany, and that America joined the Allies because the money power forced the President to declare war. These lies were never contradicted. He (a soldier—O.P.) was willing to hear the other side, if there had been anybody to tell him, but as time went on and he only heard the arguments of the pro-German socialists, despite his innate common sense, he believed"³⁸.

Справедливости ради следует отметить, что союзники предпринимали попытки контрпропаганды. Этой цели были подчинены многочисленные поездки политических и общественных деятелей стран Антанты в Россию, в том числе миссии известных социалистов А. Тома, А. Гендерсона и других. Разрабатывались с этой целью и специальные планы. Например, генерал Пуль, глава Британского отдела военного снабжения в России, подготовил в июле 1917 г. специальный проект по развертыванию пропагандистской кампании в России. Правда, он так и остался на бумаге³⁹. Ф. Харпер уповала на пропаганду союзниками идеалов «истинной демократии» среди солдат, которая, по ее мнению, могла быть эффективной.

"If there had been anything done to counteract the effects of German intrigue, if the Allies had used some weapon and spread the propaganda of true democracy among these men, they would have been loyal to their ideal. But they (Siberian soldiers in this context—O.P.) were left to their fate"⁴⁰.

Она не понимала или не отдавала себе отчет в причинах невосприимчивости солдат к такой пропаганде. Главным приоритетом для них с лета 1917 г. стало прекращение войны. Все, кто выступал за войну «до победного конца», терял авторитет в их глазах и превращался в защитника «буржуазии», какие бы демократические идеалы он ни провозглашал. Среди солдат, кроме того, набирал силу идеал «подлинно народной власти», способной заключить всеобщий демократический мир. Ф. Харпер приводит свидетельства разочарования русских солдат в союзниках, когда они

---

³⁶ "Taking it Easy in Free Russia", by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly*, November 17, 1917.

³⁷ Она имеет в виду русских солдат, большинство из которых были крестьянами.

³⁸ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 219.

³⁹ См.: Голубинов, Я.А. Наблюдая революцию: Британский отдел военного снабжения генерала Пуля в России в 1917- нач. 1918, *Гуманитарные науки в Сибири*. no 1, Vol. 24, (2017), 29.

⁴⁰ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 239.

уверовали в то, что война ведется исключительно в интересах международной, прежде всего английской и французской, буржуазии. Антисоюзнические настроения солдат отражены и в других источниках. В июне–июле в их письмах с фронта отчетливо проступает образ своекорыстных союзников-врагов: «Россия находится в зависимости от Англии, наша кровь льется ради них»⁴¹; «Долой войну в пользу Франции и Англии – наших врагов»⁴²; «Англия и Франция воюют за счет русского солдата, свое войско берегут»⁴³; «Наши солдаты умирают за английский и французский капитал»⁴⁴ и т.д. В 170 из 330 изученных нами писем рабочих, солдат и крестьян (51,5 %) в редакцию газеты «Известия», Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК Советов I и II созывов весной–осенью 1917 г. требования мира коррелировали с «антибуржуйскими» настроениями, выражением разочарования в союзниках и высказываниями в пользу «подлинно народной власти», без институтов буржуазной представительной демократии⁴⁵.

Борьба с прогерманской пропагандой и восстановление дисциплины в армии рассматривались Ф. Харпер как два главных условия сохранения завоеваний Русской революции и обеспечения ее позитивных результатов⁴⁶.

Ряд сюжетов повествования Ф. Харпер посвящены описаниям каждодневных, обыденных явлений, проблем, определявших повседневную жизнь людей в этот период. Ф. Харпер в своем повествовании сообщает ценные детали, которые могут быть использованы для реконструкции революционной повседневности этого периода.

Важнейшей проблемой этого времени была продовольственная, раскрытая автором через призму личных переживаний и собственного опыта выживания. Несмотря на недостаток продовольствия и дороговизну, по свидетельству Харпер, кафе и рестораны в Петрограде были переполнены⁴⁷. Харпер описывает типичное меню ресторанов весной и летом 1917 г.: «На 8 рублей можно было получить обед, состоявший из супа, обычно капустного, рыбы, мяса или дичи, чаще дичи, сладостей и кофе (последние два оплачивались дополнительно)»⁴⁸. Она констатирует, что еда в ресторанах была плохой и становилась все хуже в течение лета, хотя цены там постоянно росли⁴⁹. Например, за обед, стоивший весной 8 рублей, летом надо было заплатить уже 9 рублей⁵⁰. Ф. Харпер удивляло, что в период революции, при недостатке и недоступности даже черного хлеба для бедняков, в ряде мест, например, в «Астории», в кафе «Империya», подавали белые

⁴¹ ГАРФ, ф. 1235, оп. 53, д. 9, л. 44.

⁴² Там же, л. 69.

⁴³ Там же, л. 73.

⁴⁴ Там же, л. 49.

⁴⁵ Поршнева, О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. (Москва: РОССПЭН, 2004), 221-222.

⁴⁶ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 285.

⁴⁷ Ibid, 23, 192-193.

⁴⁸ Ibid, 23-24.

⁴⁹ Ibid, 24-25, 182.

⁵⁰ Ibid, 182.

булочки, пирожные и кофе с молоком, а извозчики скармливали хлеб своим лошадям⁵¹. Постоянным ощущением Ф. Харпер в России было чувство голода. Иногда,—пишет она,—я была столь голодна, что не могла уснуть⁵².

Взросшая значимость продовольствия, по свидетельству мемуаристки, проявлялась в том, что люди особенно радовались посетителям, приходившим с продуктами. Ф. Харпер описывает восторг, который она и ее друзья испытали, когда их знакомый принес кусок бекона, 2 банки алкоголя, пакет белой муки и два фунта сахара: «Даже если бы он принес миллион рублей, его не принимали бы так радостно»,—пишет она⁵³.

Причину дефицита продовольствия Харпер видит в позиции крестьянства, отказывавшегося поставлять продовольственную продукцию в город. В деревне, по описаниям Харпер, сделанным на основе личных наблюдений и со слов очевидцев, привозивших оттуда продукты, было их изобилие⁵⁴. Крестьяне, по словам Харпер, заявляли о том, что города переполнены анархистами и германскими шпионами, которых они не желали кормить⁵⁵. Однако истинной причиной нежелания крестьян продавать продукцию были низкие «твердые» цены на хлеб при высоких ценах на промышленные товары, что ускользнуло от внимания американской наблюдательницы.

Ф. Харпер описывает ситуацию перманентного повышения магазинных цен на промышленные товары, когда многие люди оказывались не в состоянии приобрести даже крайне необходимые им вещи⁵⁶. В течение недели цена на товар могла вырасти почти в два раза, очень часто невозможно было найти необходимый предмет. Пока человек искал его,—пишет она,—цена становилась непомерно высокой. Отметим важное наблюдение журналистки, относящееся к функционированию рынка и предпринимательства: к концу лета запас импортных товаров в магазинах иссяк, и они вынуждены были закрываться, так как нечего было продавать. Даже магазины, торговавшие российскими мануфактурными товарами, должны были закрываться из-за того, что работники, как пишет Харпер, постоянно либо бастовали, либо произносили речи, а фабрики, поставлявшие эти товары, закрывались из-за недостатка сырья⁵⁷.

Свидетельством дороговизны и дефицита была, как пишет Харпер, невозможность для бедных людей приобрести гробы для своих умерших родственников. Ф. Харпер описывает, как бедняки сидели вместе с телами своих покойников и просили милостыню на гроб и замечает, что люди часто жертвовали копейки на погребение молодых, но редко—пожилых умерших⁵⁸.

---

⁵¹ Ibid, 190.

⁵² Ibid, 186.

⁵³ Ibid, 183.

⁵⁴ Ibid, 10, 181.

⁵⁵ Ibid, 181.

⁵⁶ Ibid, 24, 190.

⁵⁷ Ibid, 191.

⁵⁸ Ibid, 69.

Другая деталь революционной обыденности, зафиксированная в мемуарах,—состояние общественного транспорта и транспортных услуг в столице. По ее свидетельству, было невозможно найти свободное место в трамвае, так как все трамваи были оккупированы солдатами. Они, осознавая свою вновь приобретенную силу,—пишет Харпер,—отказывались платить за проезд. Если же вам все-таки удавалось найти там место,—замечает мемуаристка,—вы обязательно подвергались оскорблениям. Однажды, при попытке пробраться к выходу, Ф. Харпер услышала от одного парня: «Что ты делаешь, проклятая буржуйка в шляпе? Скоро мы будем убивать всех вас!»⁵⁹.

Только миллионеры, по ее словам, могли ездить в экипажах. За проезд, который год назад стоил 50 копеек, теперь необходимо было платить 10 рублей. Проезд от Исаакиевского собора до Екатерининского канала и Невского обходился Флоренс в марте в 1,5 рубля. В сентябре за это же расстояние извозчики требовали уже 8 рублей, затем делая скидку до 6 руб. Не удивительно,—пишет Харпер,—что они могли покупать черный хлеб для своих лошадей⁶⁰.

Журналистка пишет о состоянии здоровья населения, типичных заболеваниях в этот период, их причинах. Важное ее наблюдение—антисанитария в столице, распространение желудочно-кишечных заболеваний, дизентерии, уносившей множество жизней. Городскими властями был издан специальный запрет есть сырые овощи и фрукты. Люди не решались покупать даже подешевевшую клубнику⁶¹. Было типичным, по свидетельству Харпер, после вопроса к мужчине: «как ваша жена» получить ответ, что она уже неделю больна: «желудок, вы понимаете». Распространенным был отказ от приглашений на вечер со ссылкой на плохое самочувствие, со словами: «желудок, вы знаете»⁶².

В повествовании автора даются сведения, характеризующие социальную жизнь представителей образованных слоев столичного общества в условиях Революции. Недостаток продовольствия привел к замиранию социальной жизни, вечеринок, по свидетельству Харпер, почти прекратили проводиться. Кроме того, нельзя было определенно сказать, придет ли приглашенный гость, или нет, из-за беспорядков и стрельбы на улице. Самой Харпер не раз приходилось возвращаться назад в такой ситуации. Однако вечера все же проводились⁶³. Харпер описывает типичный русский вечер, который обычно начинался в 9 или 10 вечера и продолжался до утра. Около 12 часов гости собирались вокруг столов для ужина, чтобы выпить чая с бутербродами.

---

⁵⁹ Ibid, 192.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid, 179.

⁶² Ibid, 180.

⁶³ Об активной досуговой жизни, многочисленности клубов в обеих столицах после Февральской революции и особой популярности тех, которые имели хороший буфет, говорит в своем исследовании И.С. Розенталь. См.: Розенталь, И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII—начало XX вв. (Москва: Новый хронограф, 2007), 314.

Была музыка и танцы, если присутствовали американцы, и «аргументы по каждому предмету под солнцем» (разговоры обо всем на свете—О.П.)⁶⁴. Образованная обеспеченная публика, как следует из мемуаров, посещала театры, которые также, как и другие заведения, были захвачены забастовочной и митинговой стихией, из-за чего иногда срывались спектакли⁶⁵. Однако сведения о работе театров относятся к начальному периоду революции, продолжение данная тема в дневнике не получила. Исключением является описание самодеятельного театра на фронте, исполнявшего скетч, который она и другие медсестры посетили во время поездки на офицерский бал⁶⁶.

Отдельный сюжет воспоминаний Ф. Харпер—фронтальная повседневность и повседневность прифронтального госпиталя. Она работала в качестве хирургической сестры в полевом госпитале в четырех милях от линии германского фронта, куда была устроена американским хирургом, полковником Хардом из Сизтла⁶⁷.

Одно из свидетельств Ф. Харпер—хронический недостаток в госпитале необходимых медицинских инструментов, материалов и оборудования. В результате почти весь медицинский инвентарь делался доктором Хардом вручную. Несмотря на то, что до ближайшего склада в Минске было 24 часа езды на медленном поезде, требовалось от 2-х до 4-х недель, свидетельствует Харпер, чтобы инструменты оттуда были доставлены. Зачастую заказывать их не было смысла, т.к. они отсутствовали и там⁶⁸. «Если бы я был во Франции, у меня был бы весь необходимый инвентарь,—говорил Хард,—но поскольку у меня его нет, мы должны сами сделать его»⁶⁹.

По свидетельству Харпер, полковник Хард имел огромный авторитет и славу выдающегося врача среди солдат и местного населения. Это привлекало к нему потоки крестьян, нуждавшихся в лечении, со всей округи. Хард никому не отказывал в помощи, и окрестное население верило в него, как в спасителя⁷⁰. Однако это отношение не помешало солдатам, работавшим в госпитале, действовать во вред Харду. Они стали избегать какой-либо работы, не выполняли распоряжения Харда и других начальников, противились всяким авторитетам. Харпер пишет: «Я полагаю, они проводили ночи напролет в придумывании новых способов досадить начальнику в течение дня. При этом не было ничего личного в этом. Солдаты называли его “чудесный человек”, восхищались им, безгранично верили, как дети, в его способности. Они сохраняли уважение и восхищение им, что было удивительно (в революционных условиях—О.П.)»⁷¹.

---

⁶⁴ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 183.

⁶⁵ *Ibid.*, 22.

⁶⁶ *Ibid.*, 112-113.

⁶⁷ Taking it Easy in Free Russia, by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly*, November 17, 1917.

⁶⁸ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 90.

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid.*, 92-93.

⁷¹ *Ibid.*, 152.

Автор мемуаров описывает повседневное поведение солдат, выполнявших различные хозяйственные работы в госпитале. Получив «новую свободу» они постепенно все больше пренебрегали своими обязанностями, а порой и отказывались их выполнять. Представления о социальной справедливости побуждали солдат отбирать молоко, полагавшееся врачам и медсестрам, даже тогда, когда его количество, рассчитанное на 15 человек, обеспечивало по 1 чайной ложке каждого из 200 солдат. Солдатский комитет присутствовал при забое скота с целью проследить, чтобы старшая сестра госпиталя не взяла больше мяса для медперсонала, чем это было абсолютно необходимо⁷².

Важное место в книге занимает образ России и русских, который автор использует как интерпретационную модель, во многом объясняющую характер революции и ход событий. Ф. Харпер была убеждена, что причина увлечения русского народа социализмом и большевизмом—его утопическое сознание («Русский мужик—дитя грез»). Характеризуя крестьянский общинно-уравнительный утопический идеал справедливого мироустройства, она пишет:

*“The Russian muzhik is a child of dreams... He is a lover of peace. He is an idealist, and his ideal is a Utopia where each child shall have a chance from birth, and before birth, where there will be no poverty, but communities of workers who respect their work and are respected because they work; where there will be no parasites, but where each man will justify his existence through work. That is what I see in the real heart of Russia”*⁷³.

Другая причина «заражения» русского народа бациллой социализма и большевизма, по мнению автора,—отсутствие у простого крестьянина чувства родины, подлинного патриотизма и представлений о России в целом, как государстве с определенными интересами, положением и т.д.

*“The peasant doesn't care what government is in power at Petrograd. In the bottom of his heart he doesn't care if there is a czar, a president, or a dictator. Having no idea of Russia as a whole, he doesn't see what connection the central government in Petrograd has with his own particular government, or closer still, to his own particular «mir», or village community”*⁷⁴.

Стоит отметить, что ограниченность кругозора, отсутствие «подлинного патриотизма» и представлений об общенациональных интересах у крестьян-солдат неоднократно отмечались в мемуарах как иностранных, так и русских офицеров-очевидцев событий 1917 г.⁷⁵ Этот феномен можно интерпретировать

---

⁷² Ibid, 149.

⁷³ Ibid, 241-242.

⁷⁴ Ibid, 218.

⁷⁵ Нокс, А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917/ Пер. с англ. А.Л. Андреева. (Москва: ЗАО Центр-полиграф, 2014), 537; Бруслов, А.А. Мои воспоминания. (Москва-Ленинград: Госиздат, 1929), 72; Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. (Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939). Т. 2, 125; Деникин, А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль—сентябрь 1917. (Москва: Наука, 1991), 89; Степун, Ф. Бывшее и несбывшееся. (Санкт-Петербург: «Алетейя», Прогресс, 1994), 270.

как проявление незавершенности процессов модернизации, формирования российской нации и национального самосознания в России.

Общенациональное самосознание россиян, как следует из рассуждений Харпер, не могло сложиться из-за этнической пестроты и разнообразия жизненных укладов многочисленных народов, населяющих страну. Это, по мнению автора, затрудняет понимание иностранцами психологии ее жителей как единой общности.

*"Where another nation has one unknown quantity, Russia has a dozen. To understand Russia, one must know not only the Russian of Petrograd, but the German-Russian of the Baltic provinces, the Finnish-Russian of the north, the Little Russian, the Cossack, the Tatar, the Armenian-Russian, the Siberian; in fact, one must know not only one nationality, but a hundred. All of these go to make up Russia".*⁷⁶

Учитывая этническое многообразие и социальные контрасты, существующие в России, она выделяет разные типы русских: интеллигентный русский—космополит Петрограда; выходцы из прибалтийских губерний; прогермански настроенные рабочие Петрограда; «более настоящий русский» Москвы; подлинно настоящий русский, проживающий вдали от крупных городов—«мужик», для которого патриотизм, «как мы его понимаем»,—пишет Харпер,—не существует⁷⁷.

Автор отличает Россию и от собственно Востока, и от Европы, утверждая, что она уникальна, «в России все по-своему».

*"I thought that Russia would seem more homelike, or at least more European, but when one crosses the boundary into Russia all one's previous experiences, bora of travel in other lands, may well be forgotten. Russia's ways are entirely her own"*⁷⁸.

Помимо уже отмеченных в ее повествовании особенностей, отражающих в разной степени реальную специфику страны, некоторые истолкования носят характер суждений, порожденных стереотипами восприятия иной культуры. К ним относится представление о непредсказуемости России:

*«Still no one knew what was going to happen..., because Russia is the country where the inevitable never happens»*⁷⁹.

Ф. Харпер, как это следует из текста ее книги, разделяла ряд присущих западному сознанию «ориенталистских»/колониальных стереотипов в отношении России и русских. Среди них следует отметить, прежде всего, представления о «наивности» русских, что относилось, главным образом, к «низам», наблюдаемым ею солдатам. Кроме того, ряд характеристик относились ко всем русским, которые в ее изображении были «суверены», «флегматичны», «любопытны», «непунктуальны». Она писала:

---

⁷⁶ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 229.

⁷⁷ *Ibid*, 229-231.

⁷⁸ *Ibid*, 3-4.

⁷⁹ *Ibid*, 35-36.

«*The Russian is very curious*», “*Being Russians, naturally they postponed it for a week or ten days*”, “*He was so different from the usual stolid Russian type that we saw by the hundred*” и т.д.⁸⁰

Харпер неоднократно отмечала наивность русских солдат, сравнивая их с «детьми», «обиженными детьми» и т.п., слепо верившими искусной лжи врага, виду красной печати и т.п.⁸¹

«*They were like hurt children when they found out that they had been deceived*»⁸².

В ее словах сквозит представление о привычке простых русских к внешнему контролю и убеждение в том, что в его отсутствии они следуют примитивным инстинктам и склонны к произволу. Отчасти это отражало реалии, связанные с традициями общинного контроля за поведением крестьян, и дисциплинарного контроля, со стороны командиров,—в армии. В условиях революции последний был утрачен в отношении солдатской массы, что привело к росту анархии и радикализма:

«*It was curious to see, week after week, how the soldiers, unchecked, became more radical*»⁸³.

Среди репрезентаций такого рода и наивность русских девушек—медсестер, не понимавших, как считала Харпер, смысла революционных деклараций, которые были «закрытой книгой» для них (“*the thought and spirit of the words was a closed book to them*»), но веривших им и восторженно поддерживавших их⁸⁴.

В своей статье “*Taking it Easy in Free Russia*» в газете «*Frank Leslie’s Weekly*», опубликованной уже после Октябрьского переворота, Ф. Харпер, возвращаясь к событиям, последовавшим после Февральской революции, вновь подчеркивает гражданскую «незрелость» русских людей. Она писала: “*The people of Russia are children playing a new game, a game for grownups. They know the rules but vaguely*”⁸⁵.

Следует отметить, что стереотип представлений о том, что «русские—как дети» был характерен для многих представителей союзнических военных и дипломатических миссий, прежде всего британских⁸⁶. Он отражал широко распространенные в британском обществе представления об отсталости, «варварстве» России, в рамках которых русские, даже представители элиты, казались британцам дикарями или, в лучшем случае,

⁸⁰ Ibid, 141, 228, 248, 258.

⁸¹ Ibid, 62, 152, 134-135, 234.

⁸² Ibid, 134.

⁸³ Ibid, 159.

⁸⁴ Ibid, 94.

⁸⁵ Taking it Easy in Free Russia, by Florence Harper, in: *Frank Leslie’s Weekly*, November 17, 1917.

⁸⁶ Портнягин, Д.И. Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г., Великая война 1914–1918 гг. *Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны*. Выпуск 3. (Москва: Квадрига, 2014), 23; Нокс, А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. (Москва: ЗАО Центр-полиграф, 2014), 525, 539.

наивными импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще.⁸⁷

Другое представление Харпер о русских—мнение о том, что «любой русский» склонен произносить и слушать речи⁸⁸. «Any Russian is always willing to make a speech on any subject at any time. If he cannot make a speech, he will do the next best thing—be willing to listen to one»⁸⁹.

Безусловно, необразованность и ограниченность кругозора большинства русских крестьян, солдат и части рабочих делала их восприимчивыми к демагогии образованных ораторов и речам их наиболее подготовленных товарищей. В результате, как замечает Харпер, солдаты склонны были соглашаться с «каждым последним оратором»:

*«They always agree with the last man, and as long as they have a speech to listen to, it really doesn't matter to them what it is about»*⁹⁰.

Однако в своем объяснении Харпер преувеличивает «ораторские способности» русских, не учитывает фактор эйфории, переживаемой в России в связи с крушением вековых устоев, переходом к «свободной» жизни. Психологическая потребность людей осознать кардинальные перемены, «выговориться» также является общей чертой революционных эпох. Сказывался главный фактор—жажда справедливости массами, обуславливавшая их поддержку всем, кто обещает ее реализацию.

Отдельная тема, которая может быть выделена в рамках дискурса Ф. Харпер—женщины в России и женщины в революции. Ряд замечаний и описаний автора объективно свидетельствуют о сохранении в России и силе традиционалистских гендерных стереотипов в отношении женщин, рассматривающих их как существ «более низкого» сорта. К ним относятся представления об «унизительности» прислуживания женщинам, проявлявшиеся официантами, «освобожденными революцией», офицерами, солдатами и другими мужчинами; о существовании чисто женской работы и женских дел, которые не должны делать мужчины⁹¹. Это проявлялось не только в отказе солдат сажать картофель, т.к. это считалось «женским делом», но и воевать, после того, как они узнали о женских батальонах. Солдаты посчитали, как свидетельствует Ф. Харпер, что «война превратилась в женское дело», поэтому в них больше не было на фронте никакой нужды.

*“A great many men who were willing to fight refused to fight, because they said fighting had become woman's work and therefore there was no need for them”*⁹².

---

⁸⁷ Адамов, Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны, Уральский исторический вестник. no 1 (42). (2014), 54.

⁸⁸ Harper F. MacLeod. Runaway Russia. P. 152, 157, 158; Оно встречается также у А. Нокса. См.: Нокс, А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 (Москва: ЗАО Центр-полиграф, 2014), 542.

⁸⁹ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 157.

⁹⁰ Ibid, 158.

⁹¹ Ibid, 128, 146, 151.

⁹² Ibid, 168.

Отдавая должное отваге и самоотверженности участниц женских батальонов, Ф. Харпер подчеркивает, что традиционные гендерные представления, разделяемые как мужчинами, так и самими женщинами, обусловили поражение дела М. Бочкаревой⁹³.

Изображение женщин, их положения и действий происходит в книге в контексте характеристики их роли в революции. Ф. Харпер считает, что женщины сыграли не меньшую, а то и большую роль в ее событиях, чем мужчины, т.к. именно они начали революцию, поддерживали ее и лучше, чем мужчины, знали, что они хотят⁹⁴.

Автор не поддерживает суфражисток, критически относится к миссии Эмили Панкхерст, к ее идее о введении избирательного права для женщин как панацеи в решении женского вопроса. Харпер критикует Панкхерст, которая «вздумала» учить русских женщин, как им завладеть свободой, утверждает, что миссия Панкхерст изначально была обречена на поражение. Причиной ее провала было, как отмечает Харпер, непонимание качественно иных условий, в которых находились российские женщины. Ф. Харпер солидаризуется со словами русской девушки, высказавшейся против перенесения на русскую почву непригодных для России рецептов борьбы за эмансипацию, цитируя их в дневнике:

*“Here we have suffered for years things that Englishwomen have never even dreamed of. We have been struggling against conditions that are absolutely unknown in the western world. What right has Mrs. Pankhurst to think she can teach us?”*⁹⁵

Очевидно, Ф. Харпер понимала, что для обеспечения женского равноправия в России были необходимы не только введение избирательного права, но и другие кардинальные политические и социальные изменения.

*

В предисловии к книге Ф. Харпер дает общую оценку революции как «огромной, прискорбной трагедии, развертывающейся у нас на глазах» (*“tremendous, pitiful tragedy that was staged before our eyes”*)⁹⁶. Она следующим образом характеризует участие России в войне: «История трехлетней борьбы России—это история терпеливого героизма, противопоставляемого худшей разновидности предательства» (*“The story of Russia’s three years’ fight is one of patient heroism against treachery of the worst kind”*)⁹⁷, выдвигая в качестве главной причины Февральской революции 1917 г. «предательство». Последнее, в ее понимании, было совершено немецкими агентами в среде российской бюрократии, обречшими страну на бесплодную борьбу, а ее народ—на мучения и страдания. После же Февраля 1917 г. характер

---

⁹³ Ibid, 166.

⁹⁴ Ibid, 162, 163.

⁹⁵ Ibid, 166.

⁹⁶ Ibid, VII.

⁹⁷ Ibid, IX.

русского народа, его утопические идеалы, по мнению Ф. Харпер, позволили ему быть пойманным в сети германской интриги. Германия подготовила большевиков и других социалистов к роли разрушителей России, разложила своей пропагандой фронт и тыл. Таким образом, Ф. Харпер переоценивает роль германского фактора, не видя внутренних причин русской революции, коренившихся в системном кризисе, неэффективности власти, глубоких социальных противоречиях, социокультурном отчуждении верхов и низов.

Один вывод в книге Харпер позволяет заключить, что она, однако, понимала далеко идущие последствия Русской революции для всего мира, важность изучения ее опыта, «расшифровки» ее послания, учета ее уроков:

*“Recent events have proven that, despite the doctrine that Trotzky is trying to put into force, despite the horrible civil war that is taking place in Russia, other nations are beginning to realize that there is something more to the message, which Russia is trying to give them. There is something finer and deeper and more far-reaching than we have grasped as yet”*⁹⁸.

Автор мемуаров осознавала, что влияние Русской революции и ее осмысление будут происходить еще очень долго, интерпретироваться с учетом опыта развития мирового сообщества.

В июне 1918 г., в разгар Гражданской войны, Ф. Харпер призвала союзников объединить усилия в борьбе с большевиками, поддержав российские антибольшевистские силы. Причем, по ее мнению, должна была быть оказана помощь не только по снабжению Белых армий, но и по отправке в Россию воинских контингентов. Она мотивировала это геополитическими интересами антигерманского блока на Востоке, необходимостью освоения богатств Сибири, которые фактически, как она утверждала, «прибираются к рукам» военнопленными Германии и Австро-Венгрии⁹⁹.

Позже Ф. Харпер обосновывала необходимость широкого вмешательства в российские дела, координации политики союзников в этом вопросе, поддержки англо-французских планов со стороны США. Она полагала, что это позволит положить конец большевистскому насилию и террору, предотвратить распространение заразы большевизма по всему миру. В самой России, по ее мнению, к 1919 г. обозначились усталость масс от анархии, стремление к восстановлению порядка и монархического строя¹⁰⁰. Примечательно, что Ф. Харпер к этому времени изменила свою оценку характера переживаемых Россией потрясений, называя их не Революцией, а разложением империи¹⁰¹.

Она писала: “History knows such examples and calls them the decay of empires. This has nothing in common with a revolution, because it is characterized by the low standard of the morals of the masses. A revolutionary period is a time of self-sacrifice of the masses of the population for human ideals, of the rise of

---

⁹⁸ Ibid, 241.

⁹⁹ Save the East, by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly* June 29, 1918.

¹⁰⁰ The Right Road in Russia, by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly*. January 11, 1919.

¹⁰¹ Ibid.

patriotic feelings, of national self-consciousness, as is shown by the invincibility of the revolutionary armies, which are led by noble leaders; and these leaders never act for self-interest. A period of decay of empires, on the contrary, excels by the low morals of the masses, by the general tendency for self-enrichment, by the cowardice of the army, the disappearances of national self-consciousness, and by the exchange of the noble leaders for insignificant personalities who prefer royal beds to their usual humble dwellings. Based on this I affirm that Russia has not had and has not a revolution. She is only living through the most humiliating period of her history, of the decay of a great empire, which is the consequence of the fundamental principles of the crimes committed by the old régime?"¹⁰².

Этот вывод отражает эволюцию взгляда Ф. Харпер на природу русской революции, ставшую результатом ее размышлений над событиями гражданской войны. Флоренс Харпер сравнивала российскую революцию с западными революциями, которые она идеализировала и воспринимала в качестве эталонных. Это определило ее отрицание революционного характера событий 1917 г. и видение этого периода как «падения империи», вызванного ошибками старого режима и приведшего к общему моральному упадку элит и масс. Флоренс Харпер, очевидно, не понимала связи между разложением империй и революциями, массовым разочарованием в старом режиме и в старой морали в условиях социальных потрясений, которые по-разному проявлялись в разном историческом контексте.

Несмотря на некоторые фактологические неточности и субъективные истолкования причин и главных факторов развития революции, книга Харпер представляет собой ценный исторический источник. Она вкупе с другими документами позволяет воссоздать многогранный образ Революции, наполнить его деталями революционной повседневности, «голосами» участников событий, выдающихся и рядовых. Она является источником изучения личности самой Флоренс Харпер, характерных черт и особенностей ее восприятия Русской революции 1917 г.

---

¹⁰² Ibid.

The ‘Armed Thaw’: Cultural War under Peaceful Coexistence

A Comparative Study between the 1950s and Today

Raphaelle Auclert

Abstract

The article proposes a comparative study of the Soviet Thaw, initiated by Nikita Khrushchev after the 20th Congress of the Party, and the contemporary Russia with a special emphasis on the international relations between Russia and the United States. Attempts have been made to draw some parallels between the Khrushchev Thaw and the President Putin parade diplomacy. The paper provides a detailed analysis of the parade diplomacy and neo-Stalinist tendencies hovering over the country today as well as dwells upon the role of carnival within Russian propaganda shedding a new light on the Kremlin actual strategy.

Over the past seventy years the United States and the Soviet Union (afterward Russia) were two powers with the unchanged vital interests and constant diplomatic course. Obviously they have gone through numerous ups and downs in their relationship also called the periods of *détente* and tensions. The Thaw, beginning from the 20th Party in 1956, where the doctrine of peaceful coexistence was put forward by the Soviet leader Nikita Khrushchev, and lasted until the end of his rule in 1964, was a notorious phase of *détente*. From 1955 until 1960 the Soviet-American relations reached their peak. However, even this idyll was not free from hostility. Indeed, the paradox of the Thaw period lies in manifesting official friendly diplomacy both by the Soviet Union and the US in the “Spirit of Geneva” and simultaneously practicing the fiercest offensive on the cultural field since the wartime. By studying those five years of outstanding closeness between the “natural enemies,”¹ one can better understand their most intimate motives and expectations.

This paper falls into two parts: firstly, it expounds on the roots of the Thaw ideology shaped by Russia’s traditional ambivalent relationship to the West, in fact an eerie mix of fear and attraction as shown by the Soviet diplomatic and cultural choices during the second half of the 1950s. Moreover, Soviet official prose elaborated this eerie narrative transforming the Thaw political language into literature and making it more accessible to the masses. The paper deals precisely with two case studies of Socialist Realist authors—fussy followers of the Party line—and makes an attempt to extract the ideological content from their works. Secondly, I assume that if history does not repeat itself it often rhymes. Basing on

---

¹ Robert C. Grogin, *Natural Enemies. The United States and the Soviet Union in the Cold War, 1917-1991* (Lanham : Lexington Books, 2001).

this assumption, a parallel is drawn between two five years periods: 1955-1960 and 2009-2014. A closer look at the 2009-2014 years will reveal the fact President Obama's double mandate has indeed much in common with Dwight Eisenhower's presidency. Apart from similarities in the geopolitical game between the US and the former Soviet Union in the 1950s and half a century later, the both countries share a common ground of political sensibility. This is why it seems crucial to elaborate a more accurate conception of the Thaw consciousness not only to understand the Kremlin current strategy, but also to grasp some key features of the Russian-American *modus vivendi* in the long run.

1- Waging the Cultural War: Ideological Patterns of the Thaw

An 'Armed Thaw'

It seems that the oxymoron "armed truce," used by the scholar Hugh Thomas in his book on the beginnings of the Cold War,² is also relevant for the Thaw period. In 1953 there were several factors involved in the pacification of international relations. Firstly, the change of leaders of the two superpowers gave hope that a compromise could be found easier than between "Uncle Joe" and the "petty shopkeeper" (as Joseph Stalin and Harry Truman scornfully called each other in private). Secondly, both the American and the Soviet people were exhausted after the first round of the Cold War³ and the Peace Movement had millions of supporters around the world. Thirdly, politicians were limited by the costs of war. In order to avoid "an unbearable security burden leading to economic disaster,"⁴ President Eisenhower put forward the New Look policy in 1953 based on deterrence through the concept of massive retaliation. In his New Course speech, given before the Supreme Soviet on 8 August 1953, Georgy Malenkov seemed to hold a similar idea.⁵

Undoubtedly, Stalin's death allowed the diplomatic Thaw. On 15 March Malenkov—considered at the time as the Kremlin heir—delivered a speech before the Supreme Soviet, where he argued that conflicts between Moscow and Washington should "be decided by peaceful means, on the basis of mutual understanding." Washington then seized the opportunity of a brief power vacuum to engage in the path of the *détente*. On 16 April 1953—only three months after his inauguration day—President Eisenhower delivered the "Chance for Peace Speech" where he clearly expressed his will to reduce defense spending and warned against the dangers of starting the arms race; in December of the same year it was followed by the "Atoms for Peace Speech." In July 1955, Khrushchev and Eisenhower first met at the Geneva Summit, dedicated to disarmament and inter-

---

² Hugh Thomas, *Armed Truce. The Beginnings of the Cold War. 1945-1946* (London: Sceptre, 1988). The title is inspired by a quote by Dean Acheson to President Truman on September 25, 1945: if co-operation is impossible, "there will be no organized peace but an armed truce."

³ On Soviet mentalities in the mid 1950s, see Yuri Aksîutin, "*Khrushchevskaïa Ottepel' i obshchestvennye nastroyeniâ v SSSR v 1953-1964 gg.*" (Moscow: Rosspen, 2010), 179-188; Hugh Thomas talks about a "truce of exhaustion" in *Armed Truce*, 32.

⁴ Samuel P. Huntington, *The Common Defense* (New York: Columbia University Press, 1961), 66.

⁵ Aksîutin, "*Khrushchevskaïa Ottepel'*," 67 and Vladislav Zubok, *A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev* (Chapel Hill: the University of North Carolina Press, 2007), 96.

national security. The summit enhanced communication and trust between the two states, arousing the so-called "Spirit of Geneva." About half a year later, the 20th Congress of the Party made a decision that Soviet foreign policy should be based on the principle of peaceful coexistence, articulated for the first time by Georgy Chicherin in 1922 and reaffirmed in the Third Program of the Communist Party in 1961. In September 1959, Khrushchev flew to the US; subsequently his visit was favorably highlighted in the books *Living in Peace and Friendship*,⁶ and *Face to face with America*.⁷ Needless to say, the diplomatic progress during this trip was negligible on both sides (related to the temporary lifting of the Soviet ultimatum on Berlin), but the result was that it showed the perception of the American people by the Soviet delegation summarized in Khrushchev's address to Americans on television, ending with the words: "Good bye! Good luck! Friends!"⁸

As a token of the diplomatic rapprochement in US-Soviet relations in the wake of the Spirit of Geneva, cultural exchanges were significantly fostered during the Thaw covering almost all aspects of cultural and social life such as the theater, music, books, newspapers, broadcasts like *Music USA*, museums and exhibitions.⁹ In January 1956 the Soviets proposed a twenty-year treaty of friendship putting much stress on broader artistic contacts; later they advanced the idea of new film cooperation. On 9 October 1956, an agreement was signed for a renewed circulation of magazines within the two countries, such as *Amerika* and *USSR*. In return, the United States Information Agency raised the budget on cultural and information programs to \$325 million.¹⁰ This open-door policy culminated in the cultural agreement signed on 27 January 1958 (also known as the Lacy-Zarubin agreement), which implied the exchange of films, scholars, sportsmen, artists, and writers.

But cultural exchanges were dominated not only by philanthropy. At the very outbreak of the Cold War, state policies from both sides had already laid the ground for an intense cultural struggle; and during the Thaw, in an unexpected although logical way, the more the threat of an armed war moved away, the harder

⁶ *Zhit' v mire i druzhbe*, translated in English *Khrushchev in America* (Moscow: Gospolitizdat, 1959). It gathered speeches, accounts on press conferences, and meetings of the Soviet leader.

⁷ Alexey Adzhubey (ed.), *Litsom k litsu s Amerikoï* (Moscow: Politizdat, 1960).

⁸ William Taubman, *Khrushchev: The Man and His Era* (New York: Norton and Company, 200), 439.

⁹ Useful studies on the influence of American and British music on the Soviet Union include: Danielle Fosler-Lussier, *Music in America's Cold War Diplomacy* (Berkeley: University of California Press, 2015); David Cauter, *The Dancer Defects: the Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War* (Oxford University Press, 2003), 377-467; Yale Richmond, *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain* (University Park, PA: Penn State University Press, 2004), 205-209; Penny M. Von Eschen, *Satchmo Blows Up the World: Jazz Ambassadors Play the Cold War* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004), 10, 13, 34, 225; Alexander Bratersky, "Back in the USSR: The Beatles Shaped a Generation in Soviet Russia," *The Telegraph*, January 25, 2008.

¹⁰ Theodore Streitbert, « Memorandum for the President, » Sept. 4, 1955, General Correspondence and Memoranda Series, Box 3, John Foster Dulles Papers, DDEL; FRUS 1955-1957, IX: 556-558, quoted in Walter Hixson, *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War* (New York: St Martin's Griffin, 1998), 104.

the propaganda offensive became. As for the CIA, it had created the Council for Cultural Freedom (CCF) in June 1950 in West Berlin in order to aggregate intellectuals against Communism and to promote an artistic production founded on liberal democratic principles.¹¹ The CCF had operative offices in 35 countries and produced many publications, musical works and international events. In October 1950 the project TROY defined “the intellectual framework for waging total Cold War” and proposed models of cooperation between universities and National State bureaucracy to get information into the Soviet Union.¹² When Eisenhower came to power, he planned to make psychological warfare the chore of the Cold War strategy, “understanding that the struggle was going on between the East and the West for people’s minds and people’s adherence,” as one subordinate recalled.¹³

In the Soviet Union, on the suggestion of writer Konstantin Simonov to Malenkov, the Office for Agitation and Propaganda launched a “Plan of measures for the strengthening of anti-American propaganda in the near future” in April and May 1949. It allowed systematic work with the mobilization of all the Soviet propaganda players such as in the media, cinema, literature and the theatre. Impressive polemical production blossomed in the following years and until Stalin’s death. But literature remained in the Soviet cultural arsenal. At the end of the war, the Soviet Union already had twenty years of experience of propaganda literature. According to the definition coined during the First Congress of the Soviet writers held in 1934, “Socialist Realism is the basic method of Soviet literature and literary criticism. It demanded of the artist the truthful, historically concrete representation of reality in its revolutionary development.” In the 1930s the Red Army viewed fiction as “one of the most powerful tools for the organization and education of the masses.”¹⁴ This doctrine was maintained later on. Official literature was the language of power used to address its people and the whole world. At the Second Congress in 1954 Alexey Surkov, poet and First Secretary of the Directorate of the Writers’ Union, proclaimed that “Literature is the sharp-edged weapon of socialist-political action.”¹⁵

Under the Spell of the Enemy (the Party Line on the Western Threat)

To be sure, mutual perception during the Cold War was not just shaped from above; the American citizens met it with eagerness: there was an “outpouring of enthusiasm for the American appearances of Soviet musicians Emil Gilels, David Oistrakh, and Mstislav Rostropovich in winter 1955 and spring 1956;”¹⁶

¹¹ Frances S. Saunders, *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War* (London: Granta Books, 2000), Chap. 4.

¹² Hixson, *Parting the Curtain*, 36.

¹³ Hixson, *Parting the Curtain*, 21.

¹⁴ “Boevoi otriad na fronte literatury” (Combat Detachment on the Literary Front), *Literaturnaya Gazeta*, August 5, 1930 quoted in M.T Hooker, *The Military Uses of Literature. Fiction and the Armed Forces in Soviet Literature* (Westport: Greenwood Publishing Group, 1996), 2.

¹⁵ A.A. Surkov, “O sostoiianii i zadachakh sovetskoi literatury” (On the State and Tasks of Soviet Literature), in *Vtoroi s’ezd sovetskikh pisatelei: stenograficheskiĭ otchet* (Moscow: Sovetskii pisatel’, 1956), 31.

¹⁶ Hixson, *Parting the Curtain*, 107.

during those years, about 2,500 American musicians, intellectuals and politicians visited the USSR.¹⁷ Reciprocally, far from being seen as an enemy, America was very popular among the Soviet population: “Embassy personnel, tourists, and other Westerners in Moscow received daily evidence, based on their contacts with Soviet citizens, of the growing appeal of Western ideas and information in the USSR.”¹⁸ One example of the appeal of the American way of life for the Thaw generation was the American National Exhibition set up in Moscow in the summer of 1959. Harold McClellan, one of its chief organizers, suspected that its actual attendance exceeded the official figure of 2.7 million: “They came in under the fence and over the fence. On one crowded day I checked what seemed to me as high as twenty percent pushing their way in with no tickets at all, simply because the guards and ticket takers at the gate were unable to restrain them.”¹⁹ Very early in the Thaw and despite the Kremlin’s official position, “embassy personnel monitored evidence in the Soviet press of increased sensitivity to the danger of ideological contamination.”²⁰ Another example is the World Festival for Youth and Students, held in Moscow in the summer of 1957: “to reduce the contacts between foreigners and ordinary people, the regime successfully strove to occupy the foreign guests, so that they had no time left.”²¹

In spite of regaining tensions at the beginning of the 1960s (like the U2 incident²² or the Cuban Missile Crisis²³), they did not change much in the perception

---

¹⁷ J.D. Parks, *Culture, Conflict, and Coexistence: American-Soviet Cultural Relations, 1917-1958* (Jefferson, NC: McFarland and Company, 1983), 153-171.

¹⁸ Hixson, *Parting the Curtain*, 114.

¹⁹ Hixson, *Parting the Curtain*: 201; see also Susan Reid, “Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 9 (4) (2008), 855-904. Reid characterizes the Soviet reception of American way of life as more complex and contradictory than only appeal. Resorting to the comment books of the exhibition, it appears that, in spite of the fascination for American goods, the Soviet people expressed their pride for socialist values of equality, education, work: “they did not accept the acquisitive consumerist domesticity represented by the exhibition as the measure of modernity and freedom” and called for a “different model of consumer society.”

²⁰ John C. Guthrie, “Soviet Sensibility to Possible Contamination Effects of East-West Cultural Ties,” January 8, 1957, Box 42, Dwight D. Eisenhower Diary Series, DDEL quoted in Hixson, *Parting the Curtain*, 114.

²¹ Aksûtin, “Khrushchevskaïa Ottepel’,” 302.

²² On 1 May 1960, the Soviet Air Defence Forces shot down a United States U-2 spy plane while it was performing photographic aerial reconnaissance deep into Soviet territory. The pilot Francis Gary Powers parachuted safely and was captured. It happened around two weeks before the opening of an east-west summit in Paris. At his arrival, Khrushchev said he would only take part to the negotiations after the US publicly apologized for the spy plane. The American side refused and the Soviet delegation left the summit; consequently, Eisenhower’s planned trip to Moscow in June was scrapped.

²³ The Cuban Missile Crisis was a 13-day (October 16–28, 1962) confrontation between the United States and the Soviet Union due to American ballistic missile deployment in Italy and Turkey with consequent Soviet ballistic missile deployment in Cuba. It was the highest point of tension during the Cold War, when the superpowers came closer than ever to nuclear war.

of the American world. On the opposite, the Soviet and American people have developed solidarity by experiencing the same threat, urged both by the mutually assured destruction doctrine and by adventurous hotheaded leaders. Short in time, unexpected and paroxysmal, these crises left nothing more than a purely political, superficial impact on the overwhelming majority of the Soviet people, and the US continued to hold the Soviet imagination under their spell. Despite the official media's attempts to diminish the importance of the Western appeal to Soviet youth,²⁴ these events did not alter its greed for American material goods, way of life neither dampened their enthusiasm for jazz music. As Pyotr Vail and Alexander Genis rightly put it, "the 1960s did not know America, but they believed in it <...> 1963—[John] Kennedy's murder is perceived in Russia like a national tragedy <...> the travel notes by Ilf and Petrov *Little Golden America* are a cult book."²⁵

The Soviet leader was not an exception here; he too was hypnotized by his American counterpart. Without changing the Stalinist rhetoric, saying to his lieutenants that they would not be able to stand against the imperialists,²⁶ Khrushchev developed an inferiority complex, a mixed feeling of fear and fascination towards Eisenhower and his people.²⁷ However, after the Soviet leader's triumphal trip to the United States in 1959, he decided to befriend the Americans.²⁸ Victor Sukhodrev, a Soviet interpreter, who used to accompany Khrushchev to summit meetings, recalls that "Kennedy was the most impressive of all. No doubt he was an outstanding person, intellectual, handsome and charismatic <...> After his murder, Khrushchev was genuinely disappointed and sent his closest mate among the Soviet executives—Anastas Mikoyan <...> Shortly before his death, [Kennedy] delivered his "Peace Speech" at the American University, where he pleaded for a turning point in the Soviet-American relations and for a kind of "reset." This endeavor was positively met by Khrushchev."²⁹

²⁴ In his conclusions on monitoring the values Soviet youth conducted in 1961 by the newspaper *Komsomolskaya Pravda*, author Boris Grushin argues that "the second place of this negative feature (i.e. sycophancy of the youth toward the West) after drunkenness was very unexpected by the specialists; they related that to one of the massive misperceptions of public opinion <...> that belief has proved to be deeply exaggerated <...> copying of the Western fashion is viewed as a thorn in the flesh, as a provocative, unacceptable, unfamiliar and thus dangerous thing" see Boris Grushin, *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mnenia. Ocherki massovogo soznaniia rossiiyan vremion Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Eltsina v 4-h knigah. Zhizn' 1-ia. Epoha Khrushcheva (The Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls. Essays on the Russian Collective Consciousness under Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Eltsin in four volumes. Life Number 1: Khrushchev's Time)* (Moscow: Progress-Traditsiia, 2001), 208-209, 216, 418.

²⁵ Pyotr Vail and Alexander Genis, *60-ie: Mir Sovetskogo Cheloveka (The 1960s: the World the Soviet Man)* (Moscow: Corpus, 2013), 39.

²⁶ Fiodor Burlatskiĭ, *Nikita Khrushchev* (Moscow: Ripol Classic, 2003), 191.

²⁷ Aksūtĭn, "Krushchevskaiia Otepel'," 328; Hixson, *Parting the Curtain*, 177.

²⁸ Leonid Mlechin, *Khrushchev* (Saint Petersburg: Amfora, 2015), 406.

²⁹ Data from Victor Sukhodrev's speaking at the radio channel Ekho Moskvyy. Quoted in Vitaly Dymarskiĭ, *Vremena Khrushcheva. V liudiakh, faktakh i mifakh (In Khrushchev's Times. People, Facts and Myths)* (Moscow: AST, 2011), 312-313.

Depicted in the lexicon borrowed from virology, this ideological contamination was the core of the Soviet doctrine towards the US during the Thaw. The enemy was no longer a spy aimed to cause material or physical damage to the country (like the saboteurs in the 1930s or the Nazi invaders); this new enemy was feared for his subversive actions and possible impact on the imaginary world and moral consciousness of the Soviet people. Like the snake in the Garden of Eden, the threat coming from the US was no longer destructive but seductive.³⁰ Two novels published during the Thaw present a particularly high ideological value in regard to their double function: not only did they reflect the mottos of power at a precise time, but reciprocally, their content has contributed in shaping the Soviet picture of the Western threat.

Case studies of two Thaw heralds: Vsevolod Kochetov and Ivan Shevtsov

The first author, Vsevolod Kochetov (1912-1973) was a Stalinist orthodox. After he spent World War II on the front line as a war correspondent, he began his literary career with military prose. With *The Brothers Yershov* (1958) and *What Do You Want Then?* (1969), he engaged in ideological debates in the wave of intense cultural antagonism with the West and of the technical revolution. In those two books, he displays the principles of socialist ethics and blames subversive action of the imperialist camp against the Soviet Union. Also, from 1954 he was a member of the Writers' Union executive board. Later in 1961, he was appointed as the editor-in-chief of the journal *Oktiabr*, the mouthpiece of the conservative wing, consisting of Marxist ideology—basically National bolshevism³¹—, and the Socialist Realist canon. In 1959, it became the writers of the RSFSR's³² organ, which aimed to counterweight the authors of liberal sensibilities published in *Novy Mir*.

Except for *Novy Mir* and *Oktiabr*, the third voice in the literary polyphony of the Thaw was *Molodaia Gvardiia*.³³ Inspired by the ideas of the Slavophiles, the editorial line was genuinely patriotic. Certainly not all nationalists were anti-Semite; however, some of them had supported the anti-cosmopolitan campaign; among them, the sculptor Evgeny Vuchetich was one of the leaders of the so-called "Russian Party."³⁴ They were convinced of the importance to inform the

---

³⁰ One can find a concentration of such views in the book by Mikhail Lifshitz and Lidiia Reinhardt, *The Crisis of Ugliness* (Moscow: Iskusstvo, 1968). It contains a paper written by Lifshitz in 1963 untitled "Why Am I Not a Modernist?" His answer can be resumed in a few words: "modernism is the greatest treason by the mandarins of culture <...> the petty adjustment by professors and men of letters to the reactionary politics of the imperialist states, <...> the Gospels of the new Barbarism, <...> voluntary obscurantism," 187-188.

³¹ David Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002).

³² Russian Soviet Federative Socialist Republic

³³ On the patriotic movement, see Nikolai Mitrokhin, *Russkaia Partiia: Dvizhenie Russkikh Natsionalistov v SSSR, 1953-1985 gg.* (*The Russian Party: the Russian Nationalists' Movement*) (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2003), 160-169 on the nationalist literary circles.

³⁴ Mitrokhin, *The Russian Party*.

Party about the Jewish influence on Soviet artistic life. In 1949, Vuchetich befriended the writer Ivan Shevtsov (1920-2013)—the second author of the case study—after the latter had published an article, “Against the anti-patriotic critics in the battle painting.”³⁵ Afterwards, Shevtsov became one of the representatives of the Russian Party. He also belonged to the generation of war—he had fought during World War II as a border guard. Then he worked as a special correspondent and as a deputy editor-in-chief of several newspapers. But his journalistic career was put to an end following the scandal around the publishing of *Plant Louse* (1964), his novel targeting the Jewish liberal intelligentsia and its deleterious influence on Soviet society.

In his work, Shevtsov described the ideological struggle between a group of Russian “realists” and art critics in favour of abstract art. Most of them were Jewish and gathered under the auspices of Lev Barselonsky, a clear allusion to Ilya Ehrenburg. The novel, a “rabidly anti-intellectual, Stalinist novel,”³⁶ was written in 1950 in the wake of the cosmopolitan campaign. But it was published only after Khrushchev’s attack on avant-garde artists at the Manezh Exhibition. Many years later, the author recalled Vuchetich’s phone call: - “I will tell you the details in person, he said in excitement. I am now at home with [Aleksandr] Gerasimov, [Aleksandr] Laktionov, and other comrades. We just arrived from the Manezh. Join us immediately. You have precisely a novel on painters. It’s just the right time now.”³⁷ And one hundred thousand copies of *Plant Louse* were published. The novel urged a salvo of outraged criticism,³⁸ and the new host of the Kremlin eventually decided to get rid of an embarrassing courtier of his predecessor.

Although *What Do You Want Then?* dates back from 1969, it is associated with the Thaw, since it is a concentration of its author’s views, a typical character of that time. The intrigue of the novel is simple: the capitalists decided to undermine the Soviet Union from within. To achieve this goal, they resorted to the services of various people who had personal reasons to settle accounts with the communist system, for example, the CIA agent Portsia Brown, former SS Uwe Klauberg, who wanted to take revenge after the lost war. His colleague Peter Saburov, the son of a white emigrant, promised to return to former Russia, from where he fled with his parents while still a small child. Implementing a UNESCO treaty in the field of cultural relations between the US and the Soviet Union, this unlikely team hid a Machiavellian plan: to conduct a sabotage action under the pretext of the publishing order by the London based publishing house “New World,” which wanted to show the world photographs of the best Russian icons. So, Kochetov displayed a team of Apostles of Evil engaging in the ‘cold crusade.’

³⁵ Ivan Shevtsov, Nikolai Zhukov, Khristofor Ushenin, “Protiv kritikov-antipatriotov v batal’noi zhivopisi,” *Krasnaia Zvezda*, April 1949.

³⁶ Yitzhak Brudny, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State 1953-1991* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998), 64.

³⁷ Ivan Shevtsov, *Plant Louse* (Moscow: Golos, 2000), 3.

³⁸ Zinovii Papernyi, “Agresivnoe Nevezhestvo” (Aggressive ignorance), *Yunost’*, 12 (1974); Nikolai Nikolaev, “Salopnitsa pishet roman” (Scandalmonger writes a novel), *Ogoniek*, 48 (1964).

They planned not a violent aggression, but a soft conquest: “they will go to Russia not with axes, not with gallows, but with banners of ideas of good, friendship of peoples.”³⁹ In a certain sense, Kochetov is the Soviet John Le Carré, who almost at the same time (six years earlier) published the novel *The Spy that Came from the Cold*; abroad, the novel was correctly called “James Bond in reverse.”⁴⁰ As for Piotr Stokov, a literary critic and longtime collaborator of Kochetov at the editorial board of *Oktiabr*, he interestingly enough noticed the resemblance between Kochetov’s novel and Gogol’s *Dead Souls*: “Chichikov visits the landlords in order to buy from them the dead souls of their peasants. Here Portsia Brown and co travel in order to deprave living souls.”⁴¹ Moreover, Kochetov did not just warn against foreign agents. He criticized the Soviet liberal artists as well; incidentally, following the publishing of the book, twenty members of the intelligentsia signed a letter protesting against the “obscurantist novel.” This is how they are described: “Miss Brown knew some Soviet writers, artists, directors who had signed an Appeal calling the intelligentsia to change the system. She spoke about them with great sympathy.”⁴² Among them were supporters of Abstract Expressionism, an art tendency the author is manifestly not fond of; when two heroes are invited to the office of the vice-director of the publishing house, they notice on the walls “abstract bright spots and gloomy chaos in frames and without frames.”⁴³

Hence, both novels illustrate the three main patterns of the Thaw. First, the neo-Stalinist line appears through constant reference to patriotism and to national pride linked with the victory during World War II. From that perspective, the Soviet Union played the role of the liberator of the world from absolute evil, i.e. the Nazis (second pattern). One can find an echo of this messianic discourse in Vladimir Putin’s will to “be remembered in history as the fighter against the jihadists.”⁴⁴ Finally, although the theme of anti-Semitism is totally irrelevant concerning the current president, he shares an instinctive and deep distrust with the two authors towards the liberal intelligentsia, also called by Kochetov the “educated bourgeois-individualist.”⁴⁵ When asked about the loyalty of Russian elites and their role in the national history, Putin began by recalling “the existence in every society of bacilli destroying the state organism, which are activated when immunity falls off.” Then he quoted the poet Alexander Pushkin, who said that “there are many people who stand in opposition not against the government, but against Russia. Unfortunately, such a tradition exists in our intelligentsia,” concluded the president,⁴⁶ truly speaking as the Thaw ruler.

³⁹ Vsevolod Kochetov, *Chego Zhe Ty Khochesh? (What Do You Want Then?)* (Letchworth-Herts: Prideaux Press, 1970), 14.

⁴⁰ Mark Slonim, *The New York Times*, December 14, 1969, 28.

⁴¹ Pyotr Stokov, *Vsevolod Kochetov. Stranitsy zhizni, stranitsy tvorchestva (Vsevolod Kochetov. Pages of his Life and Work)* (Moscow: Sovremennik, 1985), 341.

⁴² Kochetov, *Chego Zhe Ty Khochesh?*, 80.

⁴³ Kochetov, *Chego Zhe Ty Khochesh?*, 68.

⁴⁴ Staffan de Mistura, United Nations Envoy to Syria, in an interview to Swiss TV channel RTS on 19 October 2016.

⁴⁵ Stokov, *Vsevolod Kochetov*, 163.

⁴⁶ Interview of Vladimir Putin to Pervy Kanal and Associated Press on 3 September 2013, right before the G20 Saint Petersburg Summit.

2-Thaw II

The reset has failed, once again

Indeed, it is tempting to compare the period of peaceful coexistence between 1955-1960 (Thaw I) with the short "reset" established by President Obama in 2009 until 2014 (Thaw II). In both cases, after the Grand Alliance (Yalta in 1945 and 9/11 in 2001) followed by a series of skirmishes (the rivalry in Western Europe after the war, color revolutions and the war in Georgia in the 2000s), the new host of the White House was holding out a hand to Russia. In 2009, the physical handing out of a reset button by Hillary Clinton to Sergey Lavrov in Geneva is not without reminding us of the 1955 "Spirit of Geneva;" later in July, President Obama himself flew to Moscow to meet President Putin. In both double mandates, the international political agenda was focused on four key issues: the nuclear question ("Atoms for Peace" and "Open Skies" in 1955 and the New START Treaty in 2010), Asia (Korea in particular), the Middle East (Operation AJAX in Iran and the Suez Crisis in the 1950s and the Syrian war today), and the fate of Europe. However, the front line moved from Berlin, with the Soviet ultimatum in 1958, to the conflict in the Donbass. Also, in spite of the official line of appeasement, Thaws I and II were times of intense cultural infiltration and witch hunts.⁴⁷ All was happening as if the same diplomatic storyline were staged anew, and the outcome did not have a happy ending.

Eventually, those policies systematically failed and turned into huge crises, both paroxysmal and unexpected: the U2 incident caused the irrevocable break-up between Khrushchev and Eisenhower. The overthrow of Viktor Yanukovich after the Maidan protests in winter 2014, followed by the crash of the plane MH17 over the combat zone in Ukraine, have led to an open confrontation between the two countries and never-ending waves of economic sanctions. Finally, those sequences are similar even in their developments: after Kennedy's short mandate, his successor was Lyndon Johnson, whose renowned "Johnson treatment" is not far from the dominating handshake of Donald Trump, or "Trump Pumps." Beyond their psychological features, both presidents ran a policy oriented towards re-centering on domestic problems and international disengagement (such as the US withdrawal from the Paris climate accord, UNESCO and the Iran nuclear deal in 2017 and 2018). Against that background narrative, it seems as though the same political options are repeating themselves in contemporary Russia, but they are taking new shapes today.

---

⁴⁷ The Soviet 1950s have counted noteworthy political processes (the most famous one is the Pasternak trial in 1958). On 13 July 2012, the Duma adopted the foreign agent law (Federal law N 121-Ф3) compelling non-governmental organizations to designate themselves "foreign agents" if they engage in politics and are funded by foreign states. Also, an interesting fact is the resurfacing in 2014 of a ghost from the Thaw. General Philipp Bobkov, who was appointed in 1956 as a head of KGB Fourth Directorate (ideological counter espionage), published *Struggling with "Agents of Influence?" How Putin Can Re-build Russia* (Moscow: Algoritm). In the US, the second Red Scare lasted until 1956. The US Justice Department has recently demanded state-funded RT channel Russia Today to register under the FARA (Foreign Agents Registration Act), what it eventually did on 13 November 2017.

Old patterns and new battlegrounds

For the Soviets, the main pattern of the Thaw is the relationship towards the US, perceived as a threat of seduction arousing a mix of fascination and fear, of appeal and distrust (see above). In his time, Ambassador Llewellyn Thompson detected an inferiority complex.⁴⁸ The latter might be explained by compensation through Khrushchev's favorite idioms such as "We'll catch up and overtake America," "We'll show you Kuzka's mother"⁴⁹ and today, the regular call of Russia to dialogue based on equal treatment with the US.⁵⁰ The second feature is the neo-Stalinist discourse and the paradigm of victory, which finds an echo in contemporary public opinion⁵¹ and in the celebrations of Victory Day. Finally, the last pattern is the spiritual mission of the Soviet Union: after the 20th Congress, the commitment to Third World countries became important (although this idea was inherited from Vladimir Lenin). Khrushchev "regarded aid as the main instrument for carrying out Soviet policy and strategy,"⁵² to make a "peaceful transition" by post-colonial states towards socialism. Nowadays, instead of the communist path, the Kremlin promotes Russia as the keeper of Christianity in Europe and of the Christians in the Middle East with the open support of the Russian Orthodox Church;⁵³ besides, it was not a coincidence that from March to June 2017 Patriarch's Palace (one of the Moscow Kremlin Museums) was hosting an exhibition dedicated to Saint Louis, the pious French king who introduced reforms to renew the kingdom's morality (for instance, he decided to punish the blasphemy and interest-blaming loans) and took part in the Seventh and Eight crusades. However, one may wonder if this mystical rhetoric corresponds to a genuine diplomatic aim *per se*; is it not rather a way to take the opposite view to the US and to reinforce the prestige of Russia in the international stage and its historical destiny?

---

⁴⁸ Hixson, *Parting the Curtain*, 177. Llewellyn Thompson (1904-1972) served as American Ambassador in the Soviet Union from 1957 to 1962.

⁴⁹ Meaning "we'll teach you a lesson." Khrushchev used it many times during his meetings with foreign leaders, in particular with Richard Nixon during the American exhibition in Moscow.

⁵⁰ See "we must finally begin to build relations on the basis of equality, mutual respect, and of mutual consideration of interests." Extract from Vladimir Putin's speech at the Meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia on 1 July 2014; see also "Putin tells Obama he wants dialogue based on equality and respect," *Reuters*, July 4, 2015.

⁵¹ A poll conducted by the Levada Center in June 2017 showed that Russians consider Stalin, Putin and Pushkin as the most outstanding individuals in the history of mankind (they got respectively 38%, 34% and 34%).

⁵² Gu Guan-Fu, "Soviet Aid to the Third World an Analysis of Its Strategy," *Soviet Studies*, 35-1 (1983), 71-89, 71; see also, Ermarth Fritz, "The Soviet Union in the Third World: Purpose in Search of Power," *The ANNALS*, April 1969. The "peaceful transition" approach to foreign aid was proposed by Khrushchev at the Twentieth Congress.

⁵³ "Having started a military operation in Syria, Vladimir Putin began to be considered a defender of Christians in the Middle East," quoted from "Il Giornale: ROC defends the "political war" of Putin in Syria," *Russia Today*, January 17, 2016 (russian.rt.com/inotv/2016-01-17/Giornale-RPC-vstala-na-zashhitu, consulted on 10 September 2018)

In any case, after the Soviet Union lost the ideological battle in 1991, the propaganda war moved to new battlegrounds, for example, to economics. Tellingly, the most widespread weapons in economic warfare are sanctions. So how can these sanctions be considered as the tools of propaganda? To understand this shift, one has to keep in mind that propaganda is all about assumptions. In fact, the very word “sanction” implies that Russia is punished for its misconduct, it automatically sets a specific ratio of power where the US are the severe teacher and Russia is the clumsy pupil. After 2014, the new confrontation was accompanied by several waves of sanctions. Apart from measures striking a wide range of productive sectors or, on the contrary, some specific items of sensitive technologies, V.I.P. sanctions (also called smart sanctions) were introduced during the last years. They consist of raising the costs for the elites, following the example of the EU ban towards North Korea (in retaliation to its nuclear test in 2006, the EU banned exports of luxury goods). In the case of Russia, visa bans and asset freezes had already been implemented in 2012 in the frame of the Magnitsky Act. In 2014, it concerned individuals whose actions were found to “undermine democratic processes and institutions in Ukraine,” namely tens of Russian officials.⁵⁴ In addition, on 22 August 2017 the US Treasury ordered “U.S. title insurance companies to identify the natural persons behind shell companies used to pay for high-end residential real estate in seven metropolitan areas, including Miami-Dade, Broward, Palm Beach, New York and Los Angeles, the favorite Russian destinations.”⁵⁵

Another aspect of the confrontation is the stadium war, which was significant during the 2014 Winter Olympics in Sochi. If Olympics have always been the show case of the host nation—like the 1980 Summer Olympics in Moscow—the Sochi games were certainly a gigantic project to the glory of Putin’s Russia. The climax of the most expensive games in history was the opening ceremony, a live epic recounting Russian history with no less than 3,000 artists on the stage. Moreover, the boycott or support of the games were a kind of vote on strategic and ideological choices made by Russia for the other nations, concerning such topics like the conflict in Ossetia in 2008, the recent law on gay propaganda for minors passed in 2013, or the Maidan protests. Afterwards, the prestige of the games was strongly tarnished by the McLaren report, published in 2016 and detailing a state-sponsored doping program operated by Russia; the latter caused a ban for Russian athletes from competing at the Rio 2016 Olympics and Paralympics. A reflection of the 1959 American Exhibition,⁵⁶ this diplomatic sequence reminds one of the

⁵⁴ “Executive Order. Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine.” The White House, March 6, 2014.

⁵⁵ “Putin’s greatest weakness may be located on US shores,” *The Hill*, October 17, 2017 (thehill.com/opinion/finance/355798-putins-greatest-weakness-may-be-on-us-shores, consulted on 10 October 2018).

⁵⁶ The Soviet Communist Party decided “to mount a massive propaganda campaign to counteract the potential appeal of the exhibition (...), depicting it as a blatant propaganda display that bore little relations to the realities of everyday life of the average U.S. citizen,” see Hixson, *Parting the Curtain*, 185-186.

quarrels between the best player and the fair player. Just like the sanctions, it consists in a struggle for moral superiority in order to legitimize one's leadership.

The information war is the last field of confrontation. This art of war swallows all the other ones, opening new fronts and justifying the battles' proceedings (like the announcement of new sanctions) by ethical and political categories. A merciless information war was raging during the most intense fighting in Ukraine⁵⁷ and with regard to Russian interference in the last American elections. It consists of disinformation campaigns and of a tougher monitoring of social networks and news websites in order to control the national web space and to establish a "digital sovereignty."⁵⁸ Obviously today, with the democratization of smartphones and Internet, social networks, such as Facebook, Twitter or Instagram, replaced the literary journals and jazz songs of the 1950s. And, for sure, Moscow is eager to have its say in the choir of tweets.

The Kremlin's parade diplomacy

Unlike the successful integration of the Concert of Europe at the Congress of Vienna, the Russian attempt to join the 'Atlantic symphony' bitterly failed two centuries later. After the Georgian War in 2008, seen by the Kremlin as a challenge of its power in the "Near Abroad," the government definitely changed the vector towards an enduring model separated from the rest of Europe. Besides, this shift took over the slavophile legacy, a nineteenth century intellectual current assuming the unique destiny of Russia and elaborated in Nikolay Danilevsky's *Russia and Europe* (1871). Russia is believed to belong to a specific historical-cultural type designated as a Slavic world distinctive from the European one, and also called the "German-Roman." According to the author, Russia's otherness is related to its critical mass, to the hostility of the European powers, and to a peculiar state of mind of the Russian people articulated on its organic relation to its leader.

In 2006 already, Deputy Prime Minister Vladislav Surkov's concept of "sovereign democracy" hinted at a strong state policy, and the President's Munich Speech (2007) marked a break with the unipolar system under American hegemony. But the geopolitical turn was still lacking an ideological content. In national history, the last state doctrine was the Stalinist one, also sometimes called "national-bolshevism" in the sense of state building on revolutionary principles.⁵⁹ However, if the Stalinist model was designed for the "work in progress" of the Soviet state, one has to keep in mind that only the Thaw has given the ideological frame of the (almost) achieved Stalinist utopia. The Thaw, although discarding Stalinism on moral grounds, paradoxically gave it a historical legitimacy. The latter lies in the fact that the country under Stalin won the war and made its breakthrough towards communism—the rest was quick to achieve. Communism

---

⁵⁷ Jill Dougherty, "Everyone Lies: the Ukraine Conflict and Russia's Media Transformation," *Discussion Papers* n° 88, Shorenstein Center on Media, Politics and Public Policy, Harvard Kennedy School, July 2014.

⁵⁸ *Tsifrovoĭ suverenitet*, the term was pronounced by MP Sergey Zhelezniak, in *Ekonomika i Zhizn'*, June 19, 2013.

⁵⁹ Brandenberger, *National Bolshevism*.

was fast approaching and Khrushchev's model was projected in the near-future. Hence, at the dawn of the twenty-first century, by a conceptual gravity pulling the world politics towards the past, Russian ideology happened to be the one of the Thaw.⁶⁰ Moreover, the Thaw is the biographical background of the majority of the contemporary leaders (Putin himself was born in 1952), so it can seem logical that the latter reproduced the worldview by which they were informed.

So, what is that ideology like? The backbone of the Thaw period is the victory of World War II and subsequent patriotic pride. Another key aspect of this paper is that the Thaw belongs to the anthropological realm of the carnival, which draws new Space Time coordinates. More precisely, the carnival brings about a narrowing of space around the society performing it; the construction of the Berlin wall in 1961 epitomized this tendency. Consequently, experiencing the same thing at the same time, the social body gets more and more homogeneous. In addition, another typical characteristic of the carnival is the reversal of values; in the Rabelaisian tradition, the master becomes the servant, men dress like women, old ladies give birth and so on.⁶¹ Such a situation occurred after the ideological turnarounds in 1956 and in 1991: one morning, the people were told that all the previous values were false (the cult of Stalin, or the holiness of Bolshevik revolution), and everything that had been condemned therefore became praised. By the way, to this extent any expression with "post-" like "post-Soviet," implies such a symbolic reversal. An exception to the common order, the carnival allows the neighboring of the opposite, a short sequence of truce between sworn enemies; called peaceful coexistence in the 1950s or friendship in the 2000s.⁶²

As master of ceremonies, the king occupies a special place in this political ritual. But recently, the Thaw style was subjected to adjustments: Khrushchev's peasant exuberance with his famous cheek and mimicry gave way to the secret services martial restraint; the white clown replaced the red clown. Staging sports

⁶⁰ Except from ideology, Putin's policy resumes the Thaw policy on the three crucial issues: space, mass housing development and mass events (World Festival of Youth and Students in 1957 and the 2018 Football World Cup); see: "Putin: RF dolzhna sdelat' mnogo shagov, shtoby vernut' pervenstvo v kosmicheskoy otrasli," in *TASS*, <https://tass.ru/kosmos/5271251>, 7 June, 2018; and "In Presidential Address to the Federal Assembly, Putin sets the target to build 120 millions of square meters of housing per year" in the article "Putin demanded anew to make housing affordable," in *Vedomosti*, <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2018/03/01/752505-putin-zhile>, 1st March, 2018. In addition, as a sign of the *Zeitgeist*, in 2017 the Tret'iakov Gallery dedicated an exhibition to the Thaw.

⁶¹ Mikhail Bakhtin, *Tvortchestvo François Rabelais i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renesansa (The Art of François Rabelais and the Popular Culture in the Middle Ages and the Renaissance)* (Moscow: Khudozhestvennaia Literatura, 1965). Inspired by Bakhtin, David K. Danow recently proposed a study of the carnival where the latter is presented as an archetypal pattern of the human psyche, filling a fundamental need to dissolve borders and allowing the merge of opposite forces (official and unofficial culture, life and death among others), cf. *The Spirit of Carnival: Magical Realism and the Grotesque* (Lexington: University of Kentucky Press, 2004).

⁶² "Cordial Rivals: How Bush and Putin Became Friends," *New York Times*, June 18, 2001.

body language, the Russian leader enjoys showing himself in his swimming pool and gym at his Novo-Ogarevo personal residence. Also, the president often recalls his feats as a judoka and appreciates the company of athletes among the people close to him.⁶³ Sometimes the mask of the former KGB agent falls and he too demonstrates the skills of the showman.⁶⁴

In the Venetian tradition, the anonymity of the mask was giving social immunity to the citizens. By allowing escape from the strains of public morality without transgressing respectability, the mask was building a “private space in the public space.”⁶⁵ Hence, the wearer of the mask was located in an “inviolable space.”⁶⁶ However, anonymity here must not be confused with permissiveness; on the contrary, the mask has introduced moral codes into social life. First, in order to safeguard this inviolability, insult was prohibited; second, it ensured the republican equality by limiting ostentatious wealth; third, since aristocracy and foreign public figures had to wear a mask, it had limited contacts with the foreigners and the transmission of secrets that could be damaging for the Republic. Analogously, Khrushchev who had condemned the terror and thus, had given to the Soviet people political freedom, tried to codify public life with a set of moral values. As for the role of the social mask, it was devoted to literature, sparking off an ambivalent situation; on the one hand, the debates around books (criticism in the newspapers, readers’ letters, or just informal exchanges between the readers of official prose) created a free space of thought; on the other hand, political and literary institutions broadcasted a rigid official discourse on these books and a state discipline that influenced the readers’ opinions and restrained their freedom. So in the Thaw carnival, the ‘Bauta of literature’ was leaving the mouth of the Soviet people uncovered, allowing the expression of a made-up, but new subjectivity.

Another crucial feature of the carnival is time. With Khrushchev, the Soviet official discourse made the shift from a performative model (Stalinist state building) to the reflexive perception of time. Like the burning of a mannequin at the climax of pagan celebrations, Soviet society under the Thaw was all turned towards the advent of the communist prophecy: “We will bury you!,” Khrushchev warned Western ambassadors in 1956; later he claimed that “the current generation of Soviet people will live under communism.” The difference lies in the fact

---

⁶³ See the official site of the Kremlin where the President is shown attending sambo and judo tournaments, or fishing during his holidays (putin.kremlin.ru, consulted on 10 October 2018). Moreover, Vladimir Putin has granted foreign sportsmen Russian nationality: boxer Roy Jones in 2015, Australian track cyclist Shane Perkins in 2017.

⁶⁴ See “Vladimir Putin sings and plays piano with celebrity friends” (www.telegraph.co.uk/news/newsvideo/8196192/Vladimir-Putin-sings-and-plays-piano-with-celebrity-friends.html, December 11, 2010, consulted on 10 October 2018), and “Putin jam: Russian president surprises audience, sings Soviet cosmonauts’ song” (www.rt.com/viral/375040-putin-sings-to-guitar/ January 25, 2017, consulted on 10 October 2017). Also, at the meeting of the club Valdai in October 2017, Putin commented on his participation in the upcoming elections by saying a joke on the impoverished oligarchs.

⁶⁵ Gilles Bertrand, *Histoire du Carnaval de Venise* (Paris: Pygmalion, 2013), 142, 124-151.

⁶⁶ Bertrand, *Histoire du Carnaval de Venise*, 125.

that Putin's reflexive position is not turned towards the future but towards the past; if the Thaw literature was a promise fair, today the Kremlin's rhetoric is a memories fair.

A good example is the celebration of the seventieth birthday of 9 May Victory day. One of the main events there was the immortal regiment: a huge parade of citizens carrying the portraits of their relatives who fought during the war throughout the main cities of the country. In Moscow, the cortege led by the president counted no less than five hundred thousand people who walked over Red Square to the Moskvoretzkaya embankment. From that perspective, the May 9 parade can be seen as a typical carnival performance, where the portraits were used as masks, creating precisely a private space in the public space. In the ocean of the innumerable crowd, the very photographs of the beloved siblings were seals of anonymity. The social body, with his thousands of faces, was again unified behind its leader, saying the same prayer. In Putin's Russia, the road to paradise goes back to the glorious past.

In the light of the carnival paradigm, it appears that the Kremlin's foreign policy relates less to a crusade against any "evil empire" than to what can be called 'parade diplomacy.' Of course, foreign relations always include elements of drama, gesticulation and diversion. But the specificity of Moscow's diplomacy—and it is particularly relevant concerning its cultural aspect—can be resumed in three words related to the practice of parade: reduction (of the political scope), reaction (instead of action), and impression (that the Kremlin wants to produce on its foreign partners).

Actually the Russian state conducts its policy within a narrow ideological frame where public space must be morally and politically homogeneous, similar to the carnival space. The official rhetoric consists of variations on the themes of the glorious imperial/ Soviet past, orthodox faith, peace and education, but at the same time it includes an aesthetic of strength (physical as well as military). Like during the Thaw, the fear of any subversion by "contaminated" ideas and values is still vivid;⁶⁷ the sovereign domains of national history and knowledge are highly sensitive. Here one can find the reason for the revival in 2012 of the witch hunt directed against the NGOs and other presumed foreign agents, among them Society Memorial (dedicated to the victims of the Soviet power) and Dynasty Foundation (for scientific research). Analogously, in the case of any ideological dissonance in an art work, authorities are tempted to decontaminate the public space resorting to censorship.

Autumn 2017 offered two dramatic cases of concurrent narratives on national myths. The first one, *Matilda* (dir. Alexey Uchitel), is a movie dealing with the romance between the young heir of the throne Nicholas II and a prima ballerina. On the one hundredth year anniversary of the Revolution, the film spurred outcry among the Orthodox Christians who deemed it blasphemous with regard to

---

⁶⁷ During the Presidential Council for Culture and Art on 30 May 2007, Vladimir Putin stressed on the importance "to protect the Russian cultural singularity and to reinforce the national cultural and moral values"; he mentioned the necessity to raise a "cultural immunity" (*kul'turny immunitet*) among the young generation.

the memory of the holy Tsar. Natalia Poklonskaya, a Member of Parliament and a member of the United Russia party, said that the film “insults the feelings of religious believers” and called for it to be banned. Although the launching of the film was originally scheduled in March 2017, protests began as early as November 2016. Furthermore, in February, the Radical Orthodox movement Christian State-Holy Rus’ warned that “cinemas will burn” if *Matilda* was released. During the summer, another Orthodox activist drove a van containing gas canisters into a cinema in Yekaterinburg, the central Russian city where the royal family was murdered. After the authorities condemned the violence and postponed the screening for security reasons, the film was finally issued a 16+ certificate in August. So, acting as arbitrator between the pressure of its political ally (the Orthodox Church) and the authors of cultural production who challenged the official narrative, power uses the threat of censorship to alter the reception of the art work and to build a consensus on the national past. Besides, the resort to the conservative notes of the political keyboard has much in common with Khrushchev’s strategy. If the dominant narrative happened to be challenged by liberal voices, the latter used to let go of its lead the neo-Stalinist Cerberus, see Kochetov’s journal *Oktiabr’*. Such was the case in the debates on the war literature; members of *Oktiabr’*⁶⁸ were supporting an epic view of the war held for the “historical truth” (*pravda istorii*) against the new wave of the military prose evoking the soldiers’ sufferings, mainly published in the liberal-oriented journal *Novy Mir*.⁶⁹

The second example of the Kremlin’s cultural policy deals precisely with the myth of war. The film *The Death of Stalin* (dir. Armando Iannucci) relates, in a tone of comedy, the last days of the Soviet leader and the struggle for power following his death. Stalin himself and the Marshal Georgy Zhukov, the two official architects of the victory, are shown in a grotesque light. At one moment Marshal Zhukov kisses Khrushchev, an episode that inevitably carnivalizes the war hero, in other words explodes the myth onto him. The advisor from the Ministry of Culture immediately denounced a “planned provocation” that may have been “part of a Western plot to destabilize Russia.” After several twists and turns, the release of the film was eventually forbidden.⁷⁰ Here, the political maneuvering matters as much as the final decision. The ban and the debates it has spurred are enough to shape the public reception of the movie. One could say that by taking into account today’s resources of downloading from the Internet, this censorship is rather informative than effective.

---

⁶⁸ On the role of the journal *Oktiabr’* in the ideological debates of the 1960s, and particularly on the “lieutenant prose,” see Evgeny Dobrenko, “Uroki Oktiabria” (The Lessons of Oktiabr’), *Voprosy Literatury*, 2 (1995), 27-55.

⁶⁹ The so called “lieutenant prose” was opposed to the “marshal prose.” The former included protagonists who were often the junior officers; it was performed by authors like Yuri Bondarev, Vasil’ Bykov, Konstantin Vorobiov, Viatcheslav Kondratyev, Victor Kurochkin and Grigorii Baklanov.

⁷⁰ “Russia considers ban on Armando Iannucci’s film *The Death of Stalin*,” *The Guardian*, September 20, 2017; “Russian Death of Stalin Distributor plans January Release,” *The Hollywood Reporter*, November 16, 2017; “Russian Culture Ministry yanks distribution certificate for *The Death of Stalin*,” TASS, January 23, 2018.

Proceeding on from that, it appears that the Kremlin never acts but always reacts in the given paradigm. If it is an artwork, it is censored (or threatened to be so); if it is economic sanctions, then counter-sanctions are implemented; in the case of allegations of Russian interference in European and American elections, so those are denied by the president. And yet, the cultural artillery offers many weapons in order to win hearts and minds and expand one's influence: books, movies displaying alternative narratives, testimonies of the adversary's former supporters...⁷¹ But such is not the Kremlin's goal. Conducting parade diplomacy, Russian power wants to show itself on the international stage, performing a domestic ritual at the same time. Diplomacy is thereby turned into an exhibition room, a Red Square on the world scale meant to display the jewels of the Russian civilization (the imperial palaces, literary classics)⁷² or arms shows,⁷³ both are legacies from history. Firmly oriented towards the past, Moscow's policy raises the masks of the war heroes or of the Olympic mascots to prompt an identification process and to build a national consensus. Its parade dimension, limited to goals of pomp or intimidation, also explains its inertia.

Conclusions

So, the present study underlined common ideological patterns, originally articulated in the official prose, between the 1950s and Putin's presidency. It also gave an insight into the new battlegrounds of Thaw II between Russia and the US. Those patterns serve until now as a compass for the Kremlin's geopolitical strategy. They consist in the staging of a political carnival, the revival of neo-Stalinism, the fear of moral contamination by foreign values—in particular through the discourse of the liberal intelligentsia, and at the same time the proclamation of a Russian messianism. Moreover, defining its relations toward the US and Europe, Russia defines itself and draws its future. But the combination of the carnival dimension (by its very nature, an energy-consuming and temporary performance) with a conservative rhetoric, and the ageing of the ruling elites (most of them began their political career in the 1990s) presages that Thaw II might well be followed by Stagnation II.

The fact remains that Putin, who deems the collapse of the Soviet Union “the greatest geopolitical tragedy of the century,”⁷⁴ has to deal with the Soviet legacy, i.e. with the remnants of a system in which the ideological pillars have crumbled. As it has been shown, this challenge identifies him to Khrushchev after the 20th Congress. In other places in other times, such a situation reminds one of another

⁷¹ In that vein, see Richard Crossman, *The God that Failed* (New York: Harper & Brothers, 1949). The volume gathered testimonies of famous ex-communists (among them Arthur Koestler and André Gide).

⁷² *The Putin Interviews*, dir. Oliver Stone, June 2, 2017.

⁷³ From 14 until 17 September of the last year, during the joint strategic exercise “Zapad 2017” of Russian and Belarus armies, the Russian side has displayed 3,000 military personnel and about 280 vehicles, including up to 25 aircrafts and helicopters. For more details see “Details of Belarusian-Russian army exercise Zapad 2017 unveiled,” *Belarusian Telegraph Agency*, March 20, 2017.

⁷⁴ *Presidential Address to the Federal Assembly on 10 May 2006*.

ruler who lived far away in the past: the pharaoh Tutankhamun.⁷⁵ The latter spent his entire reign undoing the radical religious innovations introduced by his father, Akhenaten, who had replaced Egyptian traditional polytheism by the quasi-monotheistic cult of the Aten. Unexpectedly, his political doctrine sheds light on the stakes of Russian strategy today: “Tutankhamun attempted the impossible: to go back before a revolution in order to regain the past and to fix it in its splendor; but the big spiritual principles had been beaten to death. Akhenaten had destroyed those things that could never be replaced: beliefs.”⁷⁶ Thereby, on the ability to give a new life to those beliefs or to forge new ones will depend the legitimacy of Putin’s regime. Both imply the strongest cultural artillery ever.

Acknowledgments

I would like to express my gratitude to Natalia Bubnova for her insightful comments and warm support. Needless to say, the views and opinions expressed in this article are my own.

Bibliography

Primary Sources

Films:

The Putin Interviews, dir. Oliver Stone, 2017.

The Death of Stalin, dir. Armando Iannucci, 2017.

Matilda, dir. Alexey Uchitel’, 2017.

Novels, newspapers and magazines:

Ivan Shevtsov, *Plant Louse* (Moscow: Golos, 2000), 3.

Kochetov, V. *Chego Zhe Ty Khochesh? (What Do You Want Then?)*, Letchworth-Herts: Prideaux Press, 1970 (first published in 1969 in the journal *Ok-tiabr*’).

Yunost’

---

⁷⁵ Tutankhamun, pharaoh of the eightieth dynasty, ruled from 1332 until 1323 BC. Interestingly, the Soviet and the Egyptian rulers shared the same unenviable fate after their rule, as if great reformators were doomed to fall into oblivion once they completed their historical mission. Horemheb, Tutankhamun’s successor, instigated a campaign of *damnatio memoriae* (condemnation of the memory, meaning that the person must be completely removed from public memory) against him and his family, hacking at their statues and erasing their images and cartouches. Like Horemheb to Tutankhamun, Brezhnev made Khrushchev disappear from the official video recordings, notably with Yuriï Gagarin. Besides, the Soviet people were not able to attend Khrushchev’s funeral, the cemetery was by accident under construction that day. See Robert Hari, “La “damnatio memoriae” amarnienne,” in *Mélanges Adolphe Gutbub*, ed. by Adolphe Gutbub, Université Paul Valéry, 1984, 95-102.

⁷⁶ Geneviève R. Tabouis, *Le Pharaon Tout Ank Amon. Sa Vie et son Temps* (Paris: Payot, 1929), 301.

Ogoniek
Kranaia Zvezda
The New York Times

Secondary Sources

- Adzhubey, A. (ed.). *Litsom k litsu s Amerikoï (Face to Face with America)*. Moscow: Politizdat, 1960.
- Aksiutin Y. "Khrushchevskaiia Otpepel" i obshchestvennye nastroyeniia v SSSR v 1953-1964 gg. Moscow: Rosspen, 2010.
- Bakhtin, M. *Tvortchestvo François Rabelais i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renesansa (The Art of François Rabelais and the Popular Culture in the Middle Ages and the Renaissance)*. Moscow: Khudozhestvennaia Literatura, 1965.
- Bertrand, G. *Histoire du Carnaval de Venise*. Paris: Pygmalion, 2013.
- Bobkov, P. *Struggling with "Agents of Influence?" How Putin Can Rebuild Russia*. Moscow: Algoritm, 2014.
- Brandenberger, D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Brudny, Y. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State 1953-1991*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.
- Burlatskiï, F. *Nikita Khrushchev*. Moscow: Ripol Classic, 2003.
- Caute, D. *The Dancer Defects: the Struggle for Cultural Supremacy during the Cold War*. Oxford University Press, 2003.
- Crossman, R. *The God that Failed*. New York: Harper & Brothers, 1949.
- Danow, D.K. *The Spirit of Carnival: Magical Realism and the Grotesque*. Lexington: University of Kentucky Press, 2004.
- Dobrenko, E., "Uroki Oktiabria" (The Lessons of Oktiabr'), *Voprosy Literatury*, 2 (1995), 27-55.
- Dymarskiï, V. *Vremena Khrushcheva. V liudiakh, faktakh i mifakh (In Khrushchev's Times. People, Facts and Myths)*. Moscow: AST, 2011.
- Fritz, E., "The Soviet Union in the Third World: Purpose in Search of Power," *The ANNALS*, April 1969.
- Fosler-Lussier, D. *Music in America's Cold War Diplomacy*. Berkeley: University of California Press, 2015.
- Grogin, R.C. *Natural Enemies. The United States and the Soviet Union in the Cold War, 1917-1991*. Lanham : Lexington Books, 2001.
- Grushin, B. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniia. Ocherki massovogo soznaniia rossiyan vremion Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Eltsina v 4-h knigah. Zhizn' 1-ia. Epoha Khrushcheva (The Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls. Essays on the Russian Collective Consciousness under Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Eltsin in four volumes. Life Number 1: Khrushchev's Time)*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2001.

- Gu Guan-Fu, "Soviet Aid to the Third World an Analysis of Its Strategy," *Soviet Studies*, 35-1 (1983), 71-89.
- Hari, R. "La "damnatio memoriae" amarnienne," in *Mélanges Adolphe Gutbub d'Adolphe Gutbub*, Université Paul Valéry, 1984, 95-102.
- Hixson, W. *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War*. New York: St Martin's Griffin, 1998.
- Hooker, M.T. *The Military Uses of Literature. Fiction and the Armed Forces in Soviet Literature*. Westport: Greenwood Publishing Group, 1996.
- Huntington, S.P. *The Common Defense*. New York: Columbia University Press, 1961.
- Lifshitz, M. and Reinhardt, L. *The Crisis of Ugliness*. Moscow: Iskusstvo, 1968.
- Mitrokhin, N. *Russkaia Partiia: Dvizhenie Russkikh Natsionalistov v SSSR, 1953-1985 gg. (The Russian Party: the Russian Nationalists' Movement)*. Moscow: Novoie Literaturnoe Obozrenie, 2003.
- Mlechin, L. *Khrushchev*. Saint Petersburg: Amfora, 2015.
- Parks, J.D. *Culture, Conflict, and Coexistence: American-Soviet Cultural Relations, 1917-1958*. Jefferson, NC: McFarland and Company, 1983.
- Reid, S.E. "Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 9 (4) (2008), 855-904.
- Richmond, Y. *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*. University Park, PA: Penn State University Press, 2004.
- Saunders, F.S. *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War*. London: Granta Books, 2000.
- Strokov, P. *Vsevolod Kochetov. Stranitsy zhizni, stranitsy tvorchestva (Vsevolod Kochetov. Pages of his Life and Work)*. Moscow: Sovremennik, 1985.
- Tabouis, G.R. *Le Pharaon Tout Ank Amon. Sa Vie et son Temps*. Paris: Payot, 1929.
- Taubman, W. *Khrushchev: The Man and His Era*. New York: Norton and Company, 2004.
- Thomas, H. *Armed Truce. The Beginnings of the Cold War. 1945-1946*. London: Sceptre, 1988.
- Vail, P. and Genis, A. *60-ie: Mir Sovetskogo Cheloveka (The 1960s: the World the Soviet Man)*. Moscow: Corpus, 2013.
- Von Eschen, P.M. *Satchmo Blows Up the World: Jazz Ambassadors Play the Cold War*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Vtoroi s"ezd sovetskikh pisatelei: stenograficheskii otchet*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1956.
- Zubok, V. *A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: the University of North Carolina Press, 2007.
- Zhit' v mire i druzhbe (Living in Peace and Friendship)*, translated into english *Khrushchev in America*. Moscow: Gospolitizdat, 1959.

Book Reviews

Kenneth D. Ackerman, *Trotsky in New York, 1917: A Radical on the Eve of Revolution*, New York: Counterpoint, 2017, 400pp. Bibliography. Index. \$30.00, Hardback.

The release of Ackerman's work, which took place on the eve of the 100th anniversary of the Great Russian Revolution, emphasizes the relevance of the study of significant episodes in the political biographies of its key figures. As the subject of his research, the author chose the ten-week stay of L. D. Trotsky in 1917 in New York. Western and Russian historiography has already developed certain approaches to the study of this event. In contrast with the works of A. C. Sutton *Wall Street and the Bolshevik Revolution*, (1974), J. Nedava *Trotsky and the Jews*, (1971), that specify certain conceptual framework in the explanation of this episode, Ackerman's research is aimed at considering the facts from different angles—political, psychological, conspiracy, etc. The task implemented by the author—to investigate a historical event from different points of view—is reflected in the style and structure of text, combining two levels—artistic and scientific.

In the presentation of the actual material Ackerman from the beginning follows the narrative style, the focus of which is the original structure of the composition, built on the geographical principle—the location of Trotsky in New York. The title of every chapter, as a place-name, defines the specific plot of the narrative and binds the movement of Trotsky around New York City with events in the world of politics. The stylistic features of the text include cinematic historical description. It is created with the help of a technique which is analogical to the movie flashbacks—when the chronological series of 1917 is interrupted by the inclusion of episodes from the previous time. Thus, the presentation of the New York odyssey of Trotsky is supplemented by information about his participation in the first Russian revolution, exiles to Siberia, past relationships with immigrants, etc.

Turning to the scientific component of the text, it is worth noting that the book presents a fresh look at one of the short-term and at the same time intricate episodes of Trotsky's political biography. The historian traces Trotsky's entire journey in New York, from his arrival there aboard the "Montserrat" on January 13, 1917 to his departure to Russia in May 1917, interpreting the stages of this journey in the context of the most important events of the early 20th century history. The book shows how Trotsky's political biography was associated with a complex set of domestic and foreign policy factors in Russian, European and American history. Analyzing Trotsky's publicist and propaganda activities, Ackerman skillfully demonstrates the growing radicalism of Trotsky's political thinking and behavior. The content of the radical views is revealed quite laconically: "That to him was revolution: taking power and keeping it" (p. 83). These views are explained not only by ideological preferences, but also by the growing course of events, pushing the energetic politician to take action in emigration. The author emphasizes the special influence that discussions of the previous and New York periods with the key leaders of the political opposition—Lenin, Bukharin, Parvus—had on the revolutionary consciousness of Trotsky of that time.

From the scientific point of view, significant is the development of the problem of Trotsky's connection with the American socialist movement, and the definition of his role in this movement. The author notes that, once in New York, Trotsky sought to influence the strategy of the American Socialist Party, pushing it to greater radicalism in opposition to the regime and active participation in international events, which provoked mixed reactions in American socialist circles and negative political consequences for the movement on the whole. On the one hand, it is shown how some figures of the American socialist movement, including its leader Morris Hillquit, reacted negatively to interference in their internal affairs; on the other hand, it is noted that some of them were influenced by the Russian revolutionary. The causes of the differences between Trotsky and Hillquit, according to Ackerman, consisted in the fact that Trotsky was not sufficiently competent in the matters of American policy and was guided by ideological templates. "He had no concept of the brewing passions in America over joining the European fight and no idea how politics worked in New York City." (62)

The author includes in the chapter "Riverside Drive," I a substantial body of material on the peculiarities of the American Socialist Party under the leadership of Hillquit at the beginning of the twentieth century. Evaluating its activity from the point of view of radicalism advocated by Trotsky, Ackerman comes to the conclusion that it was far from revolutionary strategies of the realization of the Marxist doctrine in practice which was rather an efficient political brand for the party. "The new party transformed Marxism into a distinctly American brand."(69) Thus, the characteristics of the work of The American Socialist Party revealed by the author allow to explain the specificity of its position in relation to the world war and the decisive events of the revolutionary movement, such as the conference in Zimmerwald. The book suggests that due to the small numbers and locality of influence, the party could not become a leading force in American politics, and Trotsky's radicalism only aggravated its position.

Concerning the source base of the research, it should be noted that the author mainly uses the American periodicals of that time: newspapers like *The Guardian*, *The New York American*, *The New York Times*, *The New York Tribune*, etc., which makes it possible to understand the state of American public opinion, as well as to identify the degree of Trotsky's influence on him. In addition to periodicals, certainly valuable are the archive data from the following sources: British National Archives, Hoover's Institution Archives: Albert Glotzer Collection, and a number of others. The author also actively engages the memoir literature and accounts of the witnesses of those events: from Trotsky's autobiography, *My Life*, to the memoirs of his childhood friend Grigory Ziv, of the American politician Ludwig Lore, and others. In general, the sources used give an opportunity of the comprehensive analysis and reconstruction of the various facts of Trotsky's New York saga.

The criticisms relate to the following aspects of the work. First of all, in Chapter 11, "Spy Versus Spy," which sets out the material on the participation of the British spy William Wiseman in the American political affairs, the nature of his relationship with Trotsky is not fully clarified. Secondly, the stylistic features of the text create eclecticism in the presentation of certain sections of the actual historical material. Thirdly, there is some bias in the assessment of certain historical figures and previous periods of Russian history. Nevertheless, the existing shortcomings do not diminish the scientific value of Ackerman's research and the work is a certain contribution to the development of the themes of the great Russian Revolution and American-Russian relations of the early twentieth century.

Vadim Ermakov
Moscow Region State University

A Brown Man in Russia: Lessons Learned on the Trans-Siberian, by Vijay Menon. Edited by John Amor and Ksenia Papisova. London, UK: Glagoslav Publications, 2018. 178 pp.

Three Duke University seniors contemplating what to do on their winter semester break in 2013, on an apparent whim, decide to celebrate Christmas in Mongolia. Why not? The next question was: How do we get there? Through Russia, of course. The narrator of this adventure is a second generation Indian American (he mentions visiting a grandmother in New Delhi). The others are his roommate Jeremy and another Indian friend, Avi. The book consists of 22 short chronological chapters, each followed by a brief one or two page "lesson", a digression or commentary on the experience of the preceding chapter, such as comments on American and Russian racism. It is a nice, appropriate arrangement that evokes the experiences of many American novices traveling through Russia since the 18th century.

Moreover, this trip is undertaken with little advance planning and on a shoe string, that is third class travel all the way. They do manage to arrange advance reservations at hostels in Moscow, St. Petersburg, and a few other places on

their journey, but they start off without any study of the language or the country. Above all, they pack sparingly, not taking into account the weather in Siberia in December (one photograph depicts Avi standing in the snow in athletic shorts). They, nevertheless, have a great time, marveling at Red Square in Moscow, and the Hermitage in St. Petersburg, to which they go back for a second visit, getting lost in maze of unfamiliar streets, and enduring what cheap food might be found along the way, and, above all enjoying their encounters with a mix of Russian traveling companions. Of course, no other Americans would be found on the Trans-Siberian in December, at least in third class.

These three Duke musketeers go out of their way to meet people, who they find overall friendly and understanding, though amazed at finding that they do not fit the American stereotype, as brown skinned Americans traveling with a white friend. One highlight is when a teenage Russian hockey team gather in their small compartment on the Trans-Siberian to share information in broken English and sign language, for a whole day! They especially enjoy their Irkutsk stopover for their first showers in five days and to see pristine Lake Baikal, and then on to their destination, Ulan Bator, for Christmas. They leave by separate paths to South Korea and the Philippines.

The three Trans-Siberian, round the world, travelers apparently had a bonding experience and have since journeyed together to see Argentina, Morocco, and South Africa. But the author concludes, "There will never be another trip like the Trans-Siberian." Vijay Menon graduated with degrees in Statistics and Economics and as the Duke Debate Champion and began work for Microsoft in Seattle. The book, amply provided with amateur photographs of the trip, is an easy read that may recall similar experiences by many readers.

Norman Saul
University of Kansas

Jenifer Parks, *The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape*, Lanham, MD: Lexington Books, 2017, xxvi, 203pp. Bibliography. Index. \$95.00, Hardback.

Jenifer Parks's well-written study tells the story of Soviet sports officials' engagement with the Olympic Movement from the U.S.S.R.'s entrance into the Helsinki Olympic Games in 1952 through 1980 when Moscow became the first socialist city to host the Summer Games. Parks draws on the archival records of the All-Union Committee on Physical Culture and Sport of the Soviet Union (Sports Committee), the Communist Party of the Soviet Union, and the International Olympic Committee (IOC) in order to detail the relationship between Soviet sports bureaucrats on the one hand, and Communist Party leaders and international sports officials on the other. Parks casts the U.S.S.R.'s integration into the Olympiad as a pivotal moment in Cold War relations that provided vital space for peaceful interaction and cultural exchange. By the late 1950s, international sports relations

became an integral component of Soviet foreign policy thanks to the hard work of Soviet sports bureaucrats whose skillful negotiations made the U.S.S.R.'s commitment to and influence on the Olympic Movement a reality. Indeed, Parks uses the agency that sports administrators exercised to shed light on the broader processes of decision-making within the Soviet party-state which she insists were hardly irrational (contrary to popular perception) when compared with Western political systems.

Despite the domestic climate of anti-cosmopolitanism that was so characteristic of late Stalinism, chapter one discusses how Soviet sports officials successfully made the case to Party leaders that the Olympic Games would provide the U.S.S.R. with an international platform to display "the superior technique and training achieved by the Soviet system of mass collective physical culture" (23). In addition to meeting the prerogatives of Party authorities, Soviet sports administrators deftly navigated the requirements and priorities of IOC officials who expressed concern over amateurism in a state-run system like the U.S.S.R. Their invocation of the discourse of peace that was central to both Soviet and Olympic ideals ultimately helped them to realize their goal of sending a Soviet team to Helsinki. Parks thus casts Soviet sports administrators as adept political actors whose "bureaucratic skill to co-opt ideological language and to cultivate personal patronage was perfected in the Soviet party-state system and transferred easily to the Olympic arena" (24).

The United States and Soviet Union dominated the Olympic Movement after the latter's entrance in 1952. Yet the period corresponding with the reign of Nikita Khrushchev, the focus of chapter 2, was the time when "Soviet athletes secured their status as the dominant sports power, winning the most medals at every Olympic Summer and Winter Games held between 1956 and 1964" (34). In addition to establishing the authority of Soviet athletes on the world stage and making technical perfection a long term legacy of Soviet influence, Soviet sports authorities aspired to "democratize" the arena of international sports. Their vision of democratization entailed dismantling the IOC and International Federations as "Eurocentric gentlemen's clubs," making women's sports a major component of the Olympiad, and expanding the Games to increase the number of participating countries especially those aligned with the U.S.S.R. (35). The organization of track and field competitions between the United States and Soviet Union from the late 1950s through the mid-1980s constituted one significant consequence of the cultural exchange agreement that leaders signed in 1958. These track and field meets, Parks argues, facilitated the professionalization of the sport, and fostered the growth of track and field as a women's sport in the United States.

The long process that allowed the U.S.S.R. to become the first socialist country to host the Olympiad in 1980 commands the focus of the book's final three chapters. Soviet sports bureaucrats were not deterred by their failed 1970 bid to host the 1976 Olympics. Instead, they learned from their errors and got an early start in cultivating support among international sport officials for their 1974 bid to host the 1980 Summer Olympics. Parks credits Leonid Brezhnev with sharing sports administrators' desire to host the Olympiad. Soviet officials

took the task of hosting the Games seriously and traveled to previous host cities, namely Montreal and Munich in order to draw from their foreign colleagues' expertise. Sports bureaucrats wanted to use the Games to showcase the superiority of the Soviet way of life yet they had to navigate the challenge that the Soviet economy did not produce the updated sports equipment and supplies that foreign athletes and officials expected. Parks attributes the success of the 1980 Moscow Olympic Games despite the boycott of sixty nations to the professionalism and managerial skill of sport bureaucrats at all levels. As Parks contends, although Brezhnev's policy of lifelong job security fostered indifference and corruption "it also provided the experienced cadres necessary to make the 1980 Summer Olympics in Moscow succeed" (109). The persistent efforts of Soviet authorities to democratize the Olympic Movement by including more non-European nations also manifested in the debut at the Moscow Games of non-Western countries like Vietnam, Botswana, and Mozambique. Therefore, even in the face of the Politburo's devastating decision to invade Afghanistan in 1979 Parks posits that developed socialism could still make possible a major achievement like the Olympic Games.

Meredith L. Roman

The State University of New York (College at Brockport)

Erin Elizabeth Redihan, *The Olympics and the Cold War, 1948-1968: Sport as Battleground in the U.S.-Soviet Rivalry*, Jefferson, North Carolina: McFarland and Company, Inc. Publishers, 2017, vii. 264pp. Index. \$35.00, Paper.

In this wide-ranging book historian Erin Elizabeth Redihan examines the dynamics of Cold War competition involving the Olympic Games. She argues that from 1948 to 1968, "the United States and the Soviet Union sought to 'win' the Games via all possible means, using success on the world's most visible playing field as a Cold War barometer" (93). A matchup of the USSR and the US did not simply offer an exciting athletic event, but a "contest of east versus west, Moscow versus Washington, communism versus capitalism" (1). In other words, these competitions functioned as "proxy Cold War battlegrounds" (4). The book analyzes how athletics played an expanding role in each superpower's tactical plan and drew increasing support from key political leaders.

The Summer Olympics of 1936 in Berlin and 1980 in Moscow have received significant attention from scholars. This book provides a comparative analysis of interaction between these years, which has been the focus of less research by academic historians. The USSR joined the International Olympic Committee in 1951, so it did not compete until 1952; the survey ends in 1968 due the rise of US-Soviet détente and the increasing global and commercial complexity of the Games.

The volume progresses chronologically, dedicating one chapter to the Summer and Winter Games of 1948 (London and St. Moritz), 1952 (Helsinki and Oslo), 1956 (Melbourne and Cortina d'Ampezzo), 1960 (Rome and Squaw Valley), 1964

(Tokyo and Innsbruck), 1968 (Mexico City and Grenoble). The author provides helpful context for this survey by providing an introduction to the pre-World War II development of the culture of sports in the US and the USSR. Each chapter balances discussion of prominent issues faced at each Games with the political contexts of the Cold War; descriptions of heated rivalries in basketball and hockey appear alongside debates on visa denials, funding for athletes, and recognition of national Olympic teams. The work focuses more on organizational issues rather than the experiences of athletes or the strategies of coaches. The discussion utilizes a variety of primary sources, such as documents from the archives of the International Olympic Committee and the papers of Avery Brundage, and contemporary media sources, such as articles from *Sports Illustrated*. The book relies heavily on English-language sources, so readers will need to consult other studies for details on issues within Soviet or other national programs.

Several key themes emerge in multiple chapters: the controversial views of Avery Brundage, the debate over recognition of independent West and East German teams, defections of athletes, views on amateur and professional athletes, increasing globalization, the role of television, and rising commercialization. Avery Brundage served as president of the International Olympic Committee from 1952 to 1972; he has been the only US citizen to fill this role. He strongly supported requiring amateur status for athletes, although he turned a “blind eye” to Soviet financial support of Olympians (15). Brundage attempted to ensure a measure of separation between sport and politics, but this was often impossible. On more than one occasion he stated that “the Olympic Games are contests between individuals and not between nations” (23).

The book features two of the most visible Olympic episodes which fused political and athletic conflict during the era of this book: the 1956 brawl between Soviet and Hungarian water polo players and the 1968 Black Power salutes by US track medal winners Tommie Smith and John Carlos. The Soviet invasion of Hungary fueled the water polo conflict in Melbourne, while the controversial 1968 display in Mexico City reflected US racial injustice--which was highlighted by Soviet journalists. Throughout the book, the author demonstrates that for Cold War-era US leaders, “beating Moscow on the playing field was critical to beating Moscow in the wider Cold War” (25). Olympic success was valued even more highly as evidence of national ability and spirit within the USSR: However important sport was to American society and politics during the Cold War, it was even more so behind the Iron Curtain because it fulfilled so many purposes. The Soviets shared the emphasis placed on the Olympics and international athletic competition more broadly that characterized American sport during the Cold War. Like the United States, Moscow began to view Olympic achievement as a means of demonstrating political supremacy after World War II. . . . The Soviet Union also used sport to demonstrate the superiority of the communist way of life to its satellites. . . (49-50).

The centralized government of the USSR provided more direct support for its Olympic program than the US administration. As a result, Soviet athletes faced stricter regulations of public activity and communication.

This is an engaging volume which thoughtfully examines the energy, tensions, conflicts, and paradoxes of the Olympics during the Cold War. Instructors in undergraduate world, US, European, and Russian history courses should consider the adoption of this helpful book due to the clarity of the survey and the presentation of multiple issues for classroom discussions.

Matthew Lee Miller
University of Northwestern—St. Paul

Grace Kennan Warnecke, *Daughter of the Cold War*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2018, x. 280pp. Index. \$24.95, Hardcover.

Most existing scholarship examines the pivotal Cold War period on a global scale. Although the focus of Cold War discussions varies between politics, socio-cultural exchanges, brinkmanship incidents, and Third World hotspots, the general consensus is the same: the Cold War proved a seminal chapter in international relations. One of the key figures from this period—the prominent U.S. statesman and former ambassador George Frost Kennan—often factors into the ongoing historical dialogue. His daughter, Grace, witnessed Kennan’s participation in strategic historical events that played out on the international stage. Yet her memoir entitled *Daughter of the Cold War* characterizes Kennan not as the “Father of Containment,” but rather as the more important role he played to Grace and her siblings—that simply as father.

Grace Kennan Warnecke deftly weaves the personal with the political. The Cold War may have gained Kennan and his unwavering expertise and devotion to the State Department, but that service often cost Grace her father. She recounts the constant travels and travails caused by her father’s governmental positions. Her memoir’s first portions depict an insecure girl feverishly in pursuit of her parents’ affections. As Grace encapsulates early in her accounts: “He [Kennan] cast an enormous shadow, under which I was both nurtured and hidden” (xi-xii). A former escort officer who had known Kennan during his time in Berlin described him as God, to which Grace retorted, “Well, I am only the daughter of God” (253). The old adage about how one should never meet one’s hero reverberates throughout *Daughter of the Cold War*; she greatly admired Kennan’s contributions to U.S. foreign policy yet often resented his detachment as a father figure. Grace asserts that she was “both admiring and critical of my father. . . His gifts left me with feelings of inadequacy that took a lifetime to combat” (275). She sheepishly admits that she did not read Kennan’s seminal article “The Sources of Soviet Conduct” in *Foreign Affairs* at the time of its publication and expresses heartache when the Soviet Union declared Kennan persona non grata. Grace’s conflicted feelings toward Kennan are evident throughout her memoir and lend her writing a potency that illustrates a fresh, personal dimension to chilly Cold War relations.

Grace’s writing comes alive when she begins coming into her own. Her life is filled with veritable contributions to key historical events in their own right: she

tended to Josef Stalin's daughter, Svetlana, after she defected to the West in 1967; she traveled with Senator Ted Kennedy and his family to visit Leonid Brezhnev in 1974; her dabbling photographic endeavors led to her taking the lead photographs in *TIME* of the attempted assassination of President Gerald Ford; and she traveled with noted singer and activist Joan Baez to Moscow in 1978. While developing SOVUS Business Consultants around the time of the Soviet Union's dissolution, Grace Kennan Warnecke met then deputy mayor of St. Petersburg Vladimir Putin. As she asserts, "If someone had told me that I had just talked for thirty minutes with the future president of Russia, I would have thought the person delusional" (229). Grace's excursions therefore placed her at the forefront of history.

Grace found solid footing by using her expertise in Russian language and culture to embark on a series of business ventures. Whereas her father altered the trajectory of the Cold War on the political scale, Grace took a more grassroots approach to foreign affairs. In the 1980s she became a part-time consultant for Business Executives for National Security (BENS). The organization was concerned with how Cold War defense costs affected America's economy. She became an associate producer for the groundbreaking documentaries *The First Fifty Years* and *Inside Russia*. She was the U.S. Director of the Alerdinck Foundation which sought to end the Cold War by bringing together correspondents from the East and West. She saw the potential in using music to bring harmony to U.S.-Soviet relations, serving as executive director of the American Soviet Youth Orchestra. The program proved so beneficial that it continued for fifteen years. Her dedication to service has been unrelenting. She became the vice president of the Alliance of American and Russian Women (AARW). The organization helped Russian women engage in business enterprises. She was in Moscow for one of the AARW conferences when the attempted coup against Mikhail Gorbachev took place. Grace therefore found herself immersed in groundbreaking historical events—though this time on her own accord as opposed to that of her father.

Such prestigious accolades and ventures garnered Grace the attention she had desired for so long from her father: "I ended up with the experience that my father regretted he never had: living in Russia side by side with Russians. He had been largely confined to the embassy and the regulated diplomatic life, while I was spending days in a hick town in the Leningrad oblast. Later he admitted how much he envied me. I felt in some way vindicated" (254). It is heart-wrenching to read Grace's compelling life events and feel the slight despair that she still had not stepped away from her father's shadow. It is not until her recent stay in Ukraine as director of the Women's Economic Empowerment Program (WEE) that she finally asserts: "Everything had finally come into focus. I had become someone who made a difference" (271).

Grace Kennan Warnecke is a pivotal historical figure in her own right. Her grassroots contributions to U.S.-Soviet and now U.S.-Russia relations have placed her not on the fringe of history but squarely enmeshed at its heart. She has successfully stepped away from her father's shadow and has long since embarked on her own life's trajectory. This is readily apparent based on the events she recounts in *Daughter of the Cold War*. Her memoir makes a seemingly inaccessible time

relatable and personal. The interspersed moments of teenage insecurities, erudite observations about domestic and foreign policies, and compelling contributions to grassroots endeavors successfully humanize a rather contentious historical period. When Grace shared her aspirations of writing her memoirs with her father, his response was a mere “Well, you could” (xiii). She could indeed and the existing Cold War scholarship is that much richer for it.

Jennifer M. Hudson
The University of Texas at Dallas

Field Notes

THE BELOSSELSKY-BELOZERSKY COLLECTION OF RUSSIAN ART EXHIBITION AT THE UNIVERSITY OF GEORGIA

This unique collection, spanning the period from 1660 to 1952, is normally housed at the former “castle”/summer home of Richard Teller Crane II, younger brother of Charles R. Crane, near Ipswich, Massachusetts, where display space is limited. The collection is now on a rare tour to the Georgia Museum of Art on the campus of the University of Georgia in Athens. It was collected largely in the late century by philosopher and poet Prince Alexander Belosselsky- Belozersky and removed from Russia to Finland after the Bolshevik Revolution by Prince Konstantin Belosselsky-Belozersky, and then to the U.S. in 1951. It includes a large number of art works, especially portraits, much of which was considered lost after the revolution.

The exhibition featured a two day conference (September 21 and 22) highlighting the uniqueness of works of art. It will be on display at the University of Georgia until January 6, 2019. For more information regarding hours, etc. contact the museum at (706-542-4662 or mlachow@uga.edu).

Information provided by Edward Kasinec, Curator Emeritus, Slavic and Baltic Division, New York Public Library, Visiting Fellow, Hoover Institution.

Americans in Revolutionary Russia

EDITORS

Norman E. Saul and William Benton Whisenhunt

Published volumes

Julia Cantacuzène-Spéransky, *Russian People: Revolutionary Recollections* (1920), edited by Norman E. Saul

Ernest Poole, *The Village: Russian Impressions* (1919), edited by Norman E. Saul

Louise Bryant, *Six Red Months in Russia* (1918), edited by Lee A. Farrow

Edward Alsworth Ross, *Russia in Upheaval* (1918), edited by Rex A. Wade

Albert Rhys Williams, *Through the Russian Revolution* (1921), edited by William Benton Whisenhunt

John Reed, *Ten Days That Shook the World* (1919), edited by William Benton Whisenhunt

Donald Thompson, *Donald Thompson in Russia* (1918), edited by David Mould

Americans in Revolutionary Russia is an exciting new series of republications of books by American eyewitnesses in Russia during the turbulent Russian Revolutionary Era (1914–21). The men and women who wrote these accounts left a rich treasure of insights on a kaleidoscopic range of issues such as politics, ethnic identity, military, war, travel, and much more, offering readers a first-hand view of a tumultuous, complex, and controversial era. Providing a broad range of American perspectives, the series accompanies each account with an expert introduction and annotation by a leading scholar in order to make the work accessible to the modern reader.

Forthcoming works

Arthur Bullard, *The Russian Pendulum: Autocracy-Democracy-Bolshevism* (1919), edited by David McFadden

David R. Francis, *Russia from the American Embassy, April 1916–November 1918* (1921), edited by Vladimir Noskov

Madeleine Z. Doty, *Behind the Battlelines: Around the World in 1918* (1919), edited by Julia Mickenberg

Pauline S. Crosley, *Intimate Letters from Petrograd* (1920), edited by Lee A. Farrow

SLAVICA PUBLISHERS

Ψ slavica.indiana.edu

Key Sessions at the ASEEEES Convention in Boston, December 2018

See – ASEEEES.Org for more details

Getting Our Students to Perform: Creative Approaches to Teaching Russian History

Fri, December 7, 4:30 to 6:15pm, Boston Marriott Copley Place, 5th, New
Hampshire

US-Russia Public Diplomacy

Sun, December 9, 10:00 to 11:45am, Boston Marriott Copley Place, 1st, Tremont

Russian-American War of Images in Popular Geopolitics: from Obama to Trump

Thu, December 6, 12:00 to 1:45pm, Boston Marriott Copley Place, 4th, Grand
Ballroom Salon E

Great Patriotic Wars: Discourses of Nationalism and Patriotism in Post-Crimea Russia

Sat, December 8, 10:00 to 11:45am, Boston Marriott Copley Place, 1st, Columbus II

Communism on the Global Market: International Finance and Soviet Foreign Relations

Sun, December 9, 10:00 to 11:45am, Boston Marriott Copley Place, 4th, Hyannis

Soviet Speak: The Ritualization of Soviet Propaganda during the Cold War

Thu, December 6, 4:00 to 5:45pm, Boston Marriott Copley Place, 3rd, Exeter

Navigating the Enigma: Foreigners in Imperial and Soviet Russia

Sun, December 9, 12:00 to 1:45pm, Boston Marriott Copley Place, 3rd, Brandeis

Soviet Meddling in American Politics during the Cold War

Sat, December 8, 3:30 to 5:15pm, Boston Marriott Copley Place, 1st, Tremont